

ТРИ СЕМЬИ НА ШЕСТИ СОТКАХ

СЕРГЕЙ ЛISOV

Сергей Лисов

Три семьи на шести сотках

«Автор»

2026

Лисов С.

Три семьи на шести сотках / С. Лисов — «Автор», 2026

Районный библиотечный филиал закрывают, а старую дачу на шести сотках пора наконец поделить между теми, кто десятилетиями жил по устному уговору. Библиотекарь Андрей Крылов хочет сохранить и книги, и семейный мир, но привычно платит за тишину чужими правами — прежде всего правом своей взрослой дочери решать за себя. Его брат Олег требует признать годы вложений и труда. Двоюродная сестра Татьяна боится потерять доступ к месту, которое считала своим домом. Марина отказывается быть разменной монетой. Когда геодезист доказывает, что дом, колодец и сад нельзя честно распилить, родственникам приходится искать не красивое примирение, а правила, способные выдержать дождь, забытый ключ и настоящее несогласие. «Три семьи на шести сотках» — современный семейный роман о границах, памяти и общем месте, которое можно сохранить, только перестав распоряжаться друг другом.

© Лисов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Последний читатель	6
Глава 2. Шесть соток	13
Глава 3. Книги на списание	23
Глава 4. Брат чинит крышу	32
Глава 5. Дочь без комнаты	42
Глава 6. Третий стол	49
Глава 7. Устный договор	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Лисов

Три семьи на шести сотках

От автора

Семейная дача редко состоит только из земли и дома. В ней хранятся чужой труд, детские привычки, старые обиды и обещания, которые никто не записал. Пока места хватает всем, кажется, что договорённость существует сама собой. Но одна новая калитка, протекающая крыша или взрослая дочь, решившая жить иначе, показывают: молчание тоже распределяет права — обычно в пользу самого настойчивого.

Этот роман — о людях, которые пытаются разделить шесть соток и не разделиться навсегда. Рядом с дачей здесь закрывается маленькая библиотека. Книги и семейные вещи задают похожий вопрос: что значит сохранить — удержать у себя, передать дальше или честно признать, что прежний порядок закончился?

Город Бережки, товарищество «Рябина» и герои книги вымышлены. Юридические решения служат сюжету и не заменяют консультацию специалиста по реальной собственности или наследству.

Глава 1. Последний читатель

Нина Павловна пришла за десять минут до закрытия и сразу сказала, что книгу не вернёт. Андрей посмотрел на часы над дверью. Стрелка дёргалась между без десяти семь и без девяти, словно тоже не хотела отвечать точно.

— Продлить можно, — сказал он. — Ещё на месяц.

— Я не про срок. Совсем не верну.

Нина Павловна прижала к груди потрёпанный том в синей обложке. Книга была из тех, которые пережили три переезда филиала, замену печати и два ремонта отопления. На корешке белела наклейка с номером 841.2.

— Почему?

— Потому что вы закроетесь, а её выбросят.

За спиной Нины Павловны стоял пустой читальный зал. Четыре стола, двенадцать стульев, два окна на двор и стеллаж с краеведением. На подоконнике сохли три мокрых зонта, хотя дождь закончился час назад. Их хозяева ушли и забыли забрать.

— Кто вам сказал, что закроемся?

— Люди говорят.

— Люди много чего говорят.

— А вы мало говорите. Поэтому приходится слушать людей.

Андрей протянул руку.

— Давайте книгу. Я продлю.

Нина Павловна не отдала.

— Вера Семёновна утром приезжала. Потом хозяин помещения ходил с рулеткой. На стене трещину фотографировали. Это к открытию новых кружков?

— Идёт обследование.

— Значит, закроетесь.

Телефон на столе мигнул. В общем рабочем чате появилось сообщение от заведующей центральной библиотекой: «Коллеги, до официального уведомления информацию посетителям не сообщаем». Под ним уже стояли пять одобрений.

Андрей перевернул телефон экраном вниз.

— Пока филиал работает. Книги принадлежат библиотеке.

— Вот именно. Не стене же они принадлежат.

Нина Павловна наконец положила том на стойку, но ладонь не убрала. Андрей узнал книгу: сборник рассказов, изданный в конце восьмидесятых. Его брали редко. Нина Павловна читала по одному рассказу вечером, чтобы, как она объясняла, в квартире был ещё чей-нибудь голос.

— Если филиал закроют, фонд распределят, — сказал Андрей. — Хорошие экземпляры передадут в центральную и другие отделения.

— А плохие?

— Изношенные спишут по акту.

— Этот хороший.

Андрей открыл обложку. На титульном листе чернила расплылись от старой воды, страницы держались, но шов между двумя тетрадями разошёлся. По библиотечным правилам экземпляр считался изношенным.

— Его можно подклеить, — сказала Нина Павловна.

— Можно.

— Так подклейте.

— Подклею.

Она посмотрела на него испытующе.

— До закрытия?

— Сегодня.

— Филиала или рабочего дня?

— Рабочего дня, Нина Павловна.

Он забрал книгу и провёл возврат. Женщина не ушла. Села на стул возле стойки, расстегнула плащ и достала из сумки очки.

— Вы закрываетесь в семь, — напомнил Андрей.

— Я подожду, пока подклеите.

— Клей должен высохнуть.

— У меня дома высохнет.

— Тогда вы снова её не вернёте.

— Верну, когда буду знать куда.

Андрей хотел возмутиться, но понял, что спорит с той же мыслью, которая с утра мешала ему разобрать почту. Куда возвращать книги, если помещение закроют? Вера Семёновна обещала объяснить на собрании. Собрание назначили на восемь утра завтра, но бумага уже лежала у неё в папке. Хозяин дома отказывался продлевать аренду после заключения об аварийных перекрытиях. Последним рабочим днём значилось тридцатое июня. До него оставалось пять недель.

Андрей знал дату с полудня. Сотрудникам велели не говорить до общего объявления.

Он отнёс сборник к рабочему столу, достал клей, марлю и две дощечки. Нина Павловна пересела ближе. Пока Андрей снимал старую бумажную полоску с корешка, она рассказывала, что первый раз пришла в этот филиал за книгой для сына. Сыну было девять, теперь сорок два. Он жил в Тюмени и предлагал матери электронную книгу.

— Купил мне планшет, — сказала она. — Я на нём квитанции оплачиваю. А читать не могу.

— Почему?

— Там всё одинаковое. Откроешь роман, инструкцию к лекарству или счёт за свет — один экран. А здесь каждая книга сначала вещь, потом текст.

Андрей намазал марлю клеем.

— Вещи тоже приходится списывать.

— Людей пока не списывают?

— Пока нет.

— Вот и хорошо.

В дверь постучали. На пороге стоял Олег. Он не заходил в библиотеку лет пять, хотя проезжал мимо каждую неделю. В рабочей куртке ему было жарко, ворот футболки потемнел от пота. В руке он держал прозрачную папку.

— Закрыто? — спросил он.

— Через три минуты.

— Мне не за книгой.

Нина Павловна посмотрела на Олега поверх очков.

— Это заметно.

Олег оглядел стеллажи, будто искал, откуда прозвучало замечание.

— Здравствуйте.

— Добрый вечер.

Андрей прижал корешок между дощечками и затянул резинки.

— Что случилось?

— Почему обязательно случилось? Мимо ехал.

— С папкой.

— Папка всегда в машине.

Олег положил её на стойку. Внутри лежали копия выписки, листы в клетку и несколько чеков. Андрей не стал открывать.

— По даче, — сказал Олег. — Надо оформить до осени.

— Что оформить?

— Нормально оформить. Кто чем пользуется, кто платит, кто отвечает. Я устал каждый май начинать заново.

— Мы же договорились.

— Нет. Мы каждый год делаем вид, что договорились.

Нина Павловна поднялась.

— Я, пожалуй, пойду.

Андрей посмотрел на книгу, зажатую между дощечками.

— Завтра заберёте.

— Если не закроетесь ночью.

Она застегнула плащ и направилась к двери. Олег посторонился.

— Книга, что ли, ценная? — спросил он, когда дверь закрылась.

— Для неё ценная.

— А вообще?

— Вообще тоже книга.

Олег хмыкнул.

— Ты всегда так отвечаешь, когда не хочешь отвечать.

Андрей выключил компьютер на стойке. Система предложила установить обновления. Он выбрал «позже» и подумал, что через пять недель обновлять этот компьютер, возможно, будет некому.

— Что именно ты хочешь от дачи?

Олег раскрыл папку. Сверху лежала выписка: дом площадью сорок восемь квадратных метров, участок шесть соток, собственники Андрей и Олег Крыловы по одной второй доле.

— Или порядок пользования, или выкуп. Ты почти не приезжаешь. Марина тоже. Таня занимает сарай и половину веранды, хотя вообще не собственник. Крышу делал я. Насос покупал я. Проводку менял я. Налог пополам, всё остальное почему-то по настроению.

— Татьяна ухаживала за мамой.

— Я про участок, а ты про маму.

— На участке мама жила всё лето.

— И я к ней приезжал через день.

Олег говорил тихо, но каждое слово ставил как инструмент на верстак: отдельно, на своё место. Андрей знал эту манеру. В детстве брат так раскладывал детали разобранного будильника, а потом сердился, если Андрей задевал стол.

— Давай в субботу соберёмся, — предложил Андрей.

— Собирались.

— Втроём. С Татьяной.

— Она опять скажет, что тётя Лида разрешила им пользоваться до конца жизни.

— Мама действительно разрешила.

— Устно. Дом наш.

— И её труд там есть.

— Тогда посчитаем труд. Я для этого и пришёл.

Олег достал тетрадь в клеёнчатой обложке. На первой странице было написано: «Дача, расходы». Даты начинались пятнадцать лет назад. Андрей пролистал: рубероид, доски, насос, кабель, краска, доставка песка. У некоторых записей лежали чеки, у других стояли суммы от руки.

— Ты всё хранил?

— Потому что знал, что однажды ты скажешь: мы же семья.

— Мы семья.

— Это не способ платить за крышу.

Андрей закрыл тетрадь. Фраза была несправедливой и справедливой одновременно. Он действительно давал деньги, но нерегулярно. Иногда покупал продукты на всех, иногда оплачивал налог, один раз привёз доски. Крупные работы организовывал Олег. Андрей приезжал, видел уже новую крышу или насос и благодарил. Благодарность не требовала от него ни срока, ни суммы.

— Выкупить твою долю я не могу, — сказал Андрей.

— Я твою могу. Не сразу. За год.

Перед Андреем возникла пустая комната филиала, потом дачный двор без его стула под яблоней. Два места, которые он считал постоянными, за один день потребовали решения.

— Продавать не собираюсь.

— Тогда порядок пользования.

— Делить шесть соток на полосы?

— Лучше полосы, чем вечная обида.

— Чья?

— Моя, для начала.

Олег убрал тетрадь, но выписку оставил на стойке.

— В субботу в десять. Я вызвал человека посмотреть границы.

— Какого человека?

— Геодезиста.

— Без меня вызвал?

— Я сейчас тебя уведомляю.

— Это не одно и то же.

— Вот поэтому нужна бумага. В бумаге не бывает «я думал, ты не против».

Олег застегнул папку.

— Марину позови.

— Зачем? Собственники мы.

— Потом всё равно ей достанется. Или ты за неё уже решил, что не достанется?

Андрей не ответил.

— Вот, — сказал Олег. — Опять.

— Что опять?

— Ты молчишь, а потом называешь молчание согласием.

Он пошёл к двери.

— В субботу не обещаю, — сказал Андрей.

— Тогда геодезист посмотрит без тебя. Земля от этого не исчезнет.

Дверь закрылась. Андрей остался один. На стойке лежала выписка, на рабочем столе сохла книга, у стены стояли три забытых зонта. Часы показывали двадцать минут восьмого.

Он прошёл между стеллажами и начал выключать свет. Сначала краеведение, потом детский отдел, потом художественную литературу. В каждом проходе темнота подступала к окнам, но аварийная лампа над выходом продолжала гореть.

У последнего стеллажа Андрей заметил тележку с возвращёнными книгами. Обычно он расставлял их перед уходом, чтобы утром начать с чистого стола. Сегодня взял первую — путеводитель по садовым растениям — и не смог решить, на место её ставить или уже в коробку.

Телефон зазвонил. Марина.

— Ты ещё на работе? — спросила она.

— Закрываю.

— Я возле твоего дома. Ты обещал отдать чертёжную папку.

Андрей совсем забыл. Папка лежала на антресолях с тех времён, когда Марина училась на первом курсе.

— Через полчаса буду.

— Могу завтра.

— Нет, подожди. Ключ у тебя есть.

— Есть. Я зайду?

— Конечно.

Он хотел сразу рассказать про Олега и субботу, но не стал говорить по телефону.

— Марин, ты в выходные свободна?

— В воскресенье. В субботу сдаём проект.

— Понятно.

— А что?

— Ничего срочного. Потом.

После звонка Андрей взял путеводитель и всё-таки поставил на полку. До официального закрытия оставалось пять недель. Пока книга числилась здесь, её место было здесь.

В кабинете он открыл письмо от Веры Семёновны. Приказ занимал две страницы. Филиал прекращал обслуживание читателей тридцатого июня. До пятнадцатого июля Андрей должен был провести сверку фонда, подготовить передачу пригодных экземпляров, оформить списание изношенных и освободить помещение. Ему предлагали временную должность в центральной библиотеке на половину ставки до конца года. О постоянной работе не говорилось.

Внизу стояла просьба подтвердить ознакомление.

Андрей навёл курсор на кнопку и не нажал. Если не подтвердить сегодня, приказ не исчезнет. Он знал это лучше Нины Павловны. Запись в каталоге не спасала книгу от сырости, а неп прочитанное письмо — филиал от закрытия.

Он нажал.

Ответ пришёл почти сразу: «Спасибо. Завтра обсудим график».

На улице снова начался дождь. Андрей раскрыл один из забытых зонтов — чёрный, с погнутой спицей — и вышел. Остальные два оставил у двери. Хозяева могли вернуться утром.

Марина ждала у него на кухне. Она сняла пиджак, закатала рукава рубашки и ела сыр прямо из упаковки. На столе стояли две кружки.

— Ты промок, — сказала она.

— Зонт чужой.

— Поэтому не помогает?

— Спица сломана.

Андрей повесил плащ в прихожей. Капли потекли на пол. Марина принесла тряпку, вытерла и снова села.

— Папку нашла. Там мои рисунки.

— Выбросить надо было.

— Зачем? Смешные.

Она показала лист. На нём был нарисован дачный дом с огромным окном во всю стену и лестницей на крышу.

— Ты хотела перестроить дачу, — вспомнил Андрей.

— Мне было девятнадцать. Я всё хотела перестроить.

— Сейчас не хочешь?

— Сейчас я знаю цену окна во всю стену.

Андрей сел напротив. Марина увидела оставленную на столе выписку, которую он принёс из библиотеки.

— Что это?

— Олег хочет оформить порядок пользования дачей.

— Наконец-то.

Ответ оказался не тем, которого Андрей ждал.

— Почему наконец?

— Потому что каждый год одно и то же. Кто занял веранду, кто поставил машину, чьи банки в погребе. Вы ругаетесь, потом делаете вид, что не ругались.

— Мы не ругаемся.

— Именно.

Марина положила рисунок в папку.

— В субботу будет геодезист.

— Меня зовёшь?

— Олег сказал позвать. Но у тебя сдача.

— Значит, ты уже решил, что я не приеду.

— Ты сама сказала.

— Я сказала, что работаю. Можно спросить, могу ли перенести.

Андрей почувствовал раздражение. За день два человека обвинили его в молчаливых решениях, хотя он всего лишь пытался никого не нагружать.

— Хорошо. Можешь перенести?

— Не знаю. Узнаю завтра.

— Вот видишь.

— Что вижу?

Он не ответил. Марина налила чай и подвинула кружку к отцу.

— А библиотеку правда закрывают?

Андрей поднял глаза.

— Откуда знаешь?

— Нина Павловна написала в районной группе. Просит не отдавать книги на списание.

— Быстро.

— Так закрывают?

— Тридцатого июня.

— А ты?

— Полставки до конца года в центральной.

— Потом?

— Потом посмотрим.

Марина подождала. Андрей знал, что она хочет услышать настоящий ответ: страшно ли ему, что он собирается делать, нужны ли деньги. Он сделал глоток слишком горячего чая.

— Фонд большой. Пять недель разбирать.

— Я не про фонд.

— Пока это главное.

— Для кого?

— Для читателей.

— А для тебя?

Андрей посмотрел на её старый рисунок. Дом на нём был невозможный, но у каждой комнаты имелось окно, у каждой лестницы — понятное начало и конец. Настоящая дача за пятнадцать лет обросла пристройками, полками, крючками и невысказанными правами. Библиотека тоже казалась устойчивой, пока хозяин здания не пришёл с рулеткой.

— Я не знаю, — сказал он.

Марина кивнула. Не утешила и не предложила готового решения.

— В субботу постараюсь приехать. Только не обещай Олегу ничего за меня.

— Что я могу обещать за тебя?

- Например, что мне дача не нужна.
- Она тебе нужна?
- Я ещё не решила.
- Ты почти не ездешь.
- Это не ответ.

Марина закрыла папку и встала.

- Я напишу завтра.

У двери она обернулась.

- И зонт верни. Даже сломанный.

Когда дочь ушла, Андрей остался за столом с двумя документами. Один закрывал место, где он проработал двадцать три года. Второй подтверждал его право на половину места, которым он почти не пользовался. В обеих бумагах требовалось действие, а память ничего не решала.

Он открыл семейный чат. Олег уже написал: «Суббота, 10:00, дача. Геодезист смотрит варианты порядка пользования. Просьба быть всем».

Татьяна ответила: «А с нами кто-нибудь собирался говорить?»

Марина ничего не написала.

Андрей набрал: «Давайте без решений до встречи». Прочитал и стёр. Такая фраза тоже была решением — оставить всё как есть ещё на несколько дней.

Он написал иначе: «Буду. Документы возьму. Марина ответит сама».

Олег поставил одобрение. Татьяна прислала: «Я тоже буду. Игорь на рейсе».

Андрей убрал выписку в ящик. Приказ о закрытии остался в телефоне, но его он убрать не мог.

Перед сном позвонила Нина Павловна.

- Клей высохнет к утру? — спросила она.
- Высохнет.
- Значит, завтра работаете?
- Завтра работаем.
- А потом?

Андрей посмотрел на календарь. Пять недель состояли из двадцати девяти рабочих дней. Каждый можно было прожить так, будто он последний, или так, будто после него будет следующий.

- Потом скажу вам точно, куда вернуть книгу.
- Вот это уже ответ, — сказала Нина Павловна.

После звонка Андрей впервые записал на листе две даты: тридцатое июня — закрытие филиала; суббота, десять утра — дача. Между ними оставалось достаточно дней, чтобы снова откладывать решения. Или начать разбирать по одному: книги, расходы, обещания и собственные привычки молчать вместо согласия.

Глава 2. Шесть соток

В субботу Андрей приехал первым и всё равно оказался опоздавшим.

У калитки стоял белый фургон Олега, задние двери были распахнуты. На траве лежали тренога, жёлтый ящик с инструментами и два мотка оранжевого шнура. Сам Олег сидел на корточках у левого столба и затягивал гайку на новой щеколде. Рядом незнакомый мужчина в светлой кепке смотрел в планшет.

— Мы же на десять, — сказал Андрей.

Олег не поднял головы.

— Без пяти.

Андрей посмотрел на часы. Было без четырёх.

— А это уже работа?

— Это щеколда. Старая заедала.

— Я про человека.

Мужчина убрал планшет под мышку и протянул руку через открытую калитку.

— Павел. Кадастровый инженер. Пока только смотрю, ничего не меряю.

Андрей пожал ему руку. Ладонь у Павла была сухая, пальцы чистые, совсем не похожие на руки человека, которому предстоит ходить между грядками с треногой. Андрей почему-то ожидал резиновых сапог, рулетки и колышков, как в детстве у землемера из соседнего посёлка.

— Кадастровый? — переспросил он. — Олег говорил, геодезист.

— В быту всё одним словом называют. Но вам, насколько понял, границы участка уточнять не надо. Вы хотите понять, можно ли установить порядок пользования.

— Мы ещё не решили, хотим ли.

— Поэтому я пока только смотрю.

Олег встал, несколько раз хлопнул калиткой. Новая щеколда закрывалась легко и резко, без прежнего металлического визга.

— Теперь хотя бы собаки не откроют, — сказал он.

— Чьи собаки открывали?

— Ни чьи. Это обязательно должно случиться, чтобы починить?

За калиткой начиналась узкая дорожка из разномастных плит. Когда-то отец братьев привёз с работы одинаковые серые квадраты, но их хватило только до крыльца. Дальше Олег подкладывал всё, что оставалось после ремонтов: красную плитку, обломок бордюра, два прямоугольника с узором под камень. Дорожка пересекала участок по диагонали и делила его не на две половины, а на множество углов, каждый со своей историей.

Справа стоял стол Андрея — так его называли все, хотя купила стол мать на общем рынке. Круглая пластиковая столешница за зиму стала серой, одна ножка была подложена кирпичом. Андрей обычно ставил сюда складное кресло и читал после обеда. Сегодня на столе сушились перевернутые банки Татьяны, а под ним лежала связка старых рам.

Слева, ближе к сараю, Олег устроил рабочее место. Под навесом висели отвёртки, шланги и бухта медного провода. Старый холодильник без двери служил шкафом для банок с гвоздями. В дальнем углу, где солнце держалось дольше всего, Татьяна разбила грядки и натянула на дуги белый материал. Между грядками и домом едва оставался проход.

Шесть соток на выписке казались площадью. На месте они были расстоянием между чужими локтями.

— Куда пройти? — спросил Павел.

Олег показал на веранду.

— Там документы разложим.

— Там коробки, — сказал Андрей.

— Какие коробки?

— Танины. Она осенью посуду убирала.

Олег посмотрел сквозь стекло. За занавеской действительно виднелись коробки, составленные до середины окна.

— Она обещала весной разобрать.

— Весна ещё не закончилась.

— Через четыре дня лето.

Олег взял жёлтый ящик и понёс к дому. Андрей подхватил треногу, чтобы не оставаться с пустыми руками. Она оказалась легче, чем выглядела.

На веранде пахло сухими яблоками, мышинной отравой и остывшим деревом. Вдоль одной стены стояли коробки Татьяны: «банки 1 л», «банки 3 л», «крышки», «посуда дача». Вдоль другой Олег сложил упаковки утеплителя, оставшиеся после ремонта крыши. Посередине помещался стол, но к нему можно было подойти только боком.

— Вот, — сказал Олег. — Общая веранда.

— Утеплитель твой.

— Он для общего дома.

— А банки для общего варенья, — заметил Андрей.

Павел поставил ящик на стол.

— Я обычно в семейные определения не вмешиваюсь.

— Правильно, — сказал Андрей.

— Но для схемы придётся назвать вещи своими именами. Кто чем фактически пользуется, где проходит, что нельзя перекрывать.

С улицы донёсся скрип калитки, потом женский голос:

— Уже начали без нас?

Татьяна вошла на веранду с эмалированной кастрюлей, завернутой в полотенце. Её волосы были собраны карандашом, на ногах — домашние шлёпанцы поверх носков. Она жила через две улицы и всегда приходила на дачу так, будто вышла в собственный двор.

— Ещё не начали, — ответил Андрей.

— А он кто?

— Павел, — представился инженер. — Меня пригласили посмотреть участок.

— Кто пригласил?

Олег вышел из-за коробок.

— Я. В чат написал.

— В чат ты написал, что он посмотрит варианты. Приглашать человека и ставить перед фактом — разные вещи.

Андрей узнал собственные вчерашние слова, только Татьяна произнесла их спокойнее.

— Мы сейчас все вместе поговорим, — сказал он.

— Где? Тут не повернуться.

Татьяна поставила кастрюлю на коробку с надписью «крышки» и открыла ближайшую. Внутри лежали Олеговы рабочие перчатки и мотки провода.

— Это ещё что?

— Мыши в сарае, — сказал Олег. — Я временно переложил.

— В мою коробку?

— Коробка общая.

— Там было написано «крышки».

— Крышек там не было.

— Потому что я их домой забрала перемотать.

Павел снова достал планшет, но не включил его. Андрей понял, что инженер даёт им время обнаружить предмет разговора без приборов.

— Давайте во двор, — предложил он. — Марина подъедет, и начнём.

— Она точно будет? — спросил Олег.

— Написала, что будет к десяти.

— Уже десять.

Андрей посмотрел на экран телефона. От Марины было сообщение: «На повороте. Не начинайте». Он показал его брату.

Олег пожал плечами и вынес складные стулья. Один поставил у своего навеса, другой — возле дорожки, третий пришлось раскрыть между яблоней. Единогласного места для разговора на участке не нашлось. Круглый стол был занят банками; большой деревянный стол Татьяны стоял за домом возле грядок; Олег пользовался верстаком.

— Сначала обойдём, — сказал Павел. — Покажете, как сейчас устроено.

— На бумаге всё есть, — Олег достал из папки копию плана.

— На бумаге дом, сарай и границы. Мне нужны ваши ноги. Где ходите, где сидите, куда машину ставите.

— Машину — снаружи, — сказала Татьяна. — Игорь один раз заехал разгрузить навоз, Олег потом месяц вспоминал колею.

— Потому что он трубу продавил.

— Труба лежит на глубине ладони.

— Я её не клал.

— Папа клал, — сказал Андрей.

— Тем более.

Они начали от калитки. Павел шёл последним и время от времени фотографировал. Первые пять метров дорожки использовали все. Справа от неё помещалась машина, если открыть обе створки ворот, но тогда нельзя было пройти с тачкой. Слева росли смородиновые кусты, которые сажала мать. За ними стояла бочка для дождевой воды, подключённая Олегом к новому жёлобу.

— Бочку кто использует? — спросил Павел.

— Все, — одновременно ответили Андрей и Татьяна.

— Я покупал, — сказал Олег.

Павел посмотрел на него.

— Это значит, что пользуетесь только вы?

— Нет. Это значит, что за ней надо следить. Осенью слить, кран снять, крышку закрепить. Следил я.

— Запишу: пользование общее, обслуживание Олега.

— А я весной её отмывала, — сказала Татьяна.

— Запишу и это, если будете составлять перечень работ. Пока мне нужен проход.

Возле первой яблони дорожка раздваивалась. Налево шли к сараю и туалету, направо — к крыльцу и колодцу. Если двое несли навстречу друг другу ведра, одному приходилось отступать в траву.

— Здесь границу не провести, — сказал Павел.

— Почему? — спросил Олег.

— Какую именно границу вы имеете в виду?

Олег развернул копию плана на круглом столе, предварительно переставив банки на землю. Провёл ногтем от ворот к заднему забору.

— Участок примерно двенадцать на пятьдесят. Если вдоль, каждому по шесть метров.

— И дом разрезать? — спросила Татьяна.

— Дом останется в долевого собственности. Речь о земле.

— Он стоит посередине, — сказал Андрей.

— Я знаю, где он стоит.

Павел приложил к плану линейку.

— Продольная линия войдёт в дом примерно здесь. Даже если говорить не о разделе собственности, а только о пользовании, одна половина участка останется без нормального прохода к задней части. Можно сделать изгиб, но тогда надо учитывать колодец.

— Колодец общий, — сказал Андрей.

— Пока всё общее, — ответил Олег. — Поэтому мы и собрались.

Татьяна поставила руки на бока.

— Нет, не всё. Грядки мои.

— Земля не твоя.

— А чеснок твой?

— Чеснок твой. Земля наша с Андреем.

— Когда ваша мать болела, земля почему-то была моя. Я тут с мая до октября жила, и грядки были нужны. А теперь выписка нашлась.

Олег сложил план вдвое.

— Мы опять считаем, кто сколько сидел с мамой?

— Ты сам тетрадь принёс.

— Там расходы на дом.

— Уход расходов не стоит?

Андрей видел, как разговор сворачивает в знакомую колею. Сейчас Олег скажет, что тоже возил мать по врачам. Татьяна напомним про ночи после операции. Потом оба посмотрят на Андрея, который жил ближе всех, но приезжал реже, чем обещал. Он предложит чай. За чаем все замолчат до следующего лета.

— Сегодня не считаем, — сказал Андрей.

— Удобно, — отозвался Олег.

— Не потому, что считать не надо. Потому что Павел пришёл посмотреть участок. Давайте хотя бы это закончим.

— Я ради этого работу перенёс.

— Мы все приехали.

— Ты приехал на своё.

— И ты.

Калитка хлопнула. Марина вошла быстро, ещё не сняв с плеча городской рюкзак. На ней были чёрные брюки и белая рубашка, слишком нарядные для влажной травы. В одной руке она держала тубус с чертежами.

— Простите, автобус встал у переезда. Здравствуйте.

Она поздоровалась с каждым отдельно, Павлу назвала имя и только потом обняла отца. Андрей почувствовал короткое прикосновение её щеки и запах кофе.

— Вы начали?

— Обходим участок, — сказал он.

— Решений не принимали?

— Нет.

Марина посмотрела на Олега.

— Точно?

— Твой отец всё равно ничего не решает с первого раза.

— Это не ответ.

— Не принимали, — сказал Олег. — Мы тут землю с чесноком различаем.

Татьяна протянула Марине полотенце от кастрюли, чтобы та вытерла мокрую скамейку.

— Садись. Я сырники принесла.

— Потом, тётъ Тань. Покажите план.

Олег подал ей лист. Марина положила его на стол, прижала углы четырьмя банками и несколько секунд молча изучала. Потом оглядела участок так, словно видела его не с детства, а впервые.

— Это старый план, — сказала она. — Веранды здесь нет.

— Есть, — Павел показал точку. — Только обозначена как навес. Сарай тоже стоит иначе. Для суда или нового соглашения понадобится актуальная схема.

— А если просто договориться?

— Можно приложить рисунок, который всем понятен. Но чем точнее, тем меньше будущих споров.

— Так всегда говорят люди, которые берут деньги за точность, — заметил Олег.

Павел улыбнулся.

— А люди, которые платят за точность, обычно уже заплатили больше за спор.

Марина достала из тубуса лист миллиметровки и карандаш.

— Можно я нарисую фактическое пользование?

— Для начала — да, — сказал Павел. — Только не планируйте пока красиво. Показывайте как есть.

Они пошли дальше. У крыльца Олег хранил сапоги и канистру для косилки. Под лестницей лежали Маринины санки, хотя она не каталась на них лет двадцать. На гвозде висел Татьянин фартук. В сенях стояли две пары тапок Андрея, три пары семьи Олега и резиновые шлёпанцы Игоря. Павел спрашивал, кто пользуется комнатами.

— Правая наша, — сказал Олег.

— Левая Андрея, — сказала Татьяна.

— А маленькая? — спросил Павел.

Андрей ответил не сразу.

— Раньше Маринина.

— Почему раньше? — спросила дочь.

Они остановились в дверях маленькой комнаты. Кровать была завалена свёрнутыми коврами, коробкой ёлочных игрушек и запасными подушками. На письменном столе стояла разобранная соковыжималка Олега. В углу Татьяна сложила мешки с сухими травами. Над кроватью всё ещё висела полка, которую Андрей сделал дочери, когда ей было десять. На полке лежали три детские книги и ракушка с Чёрного моря.

— Временно сложили, — сказал Андрей.

— Кто?

— Все понемногу.

— Ты знал?

— Я давно не заходил.

Марина поставила рюкзак на пол, сняла с кровати одну подушку и тут же положила обратно: под ней оказался пакет с банками.

— Значит, у всех есть место, а у меня склад.

— У тебя квартира в городе, — сказал Олег. — Ты здесь две ночи за лето проводишь.

— Потому что мне негде спать или мне негде спать, потому что я редко приезжаю?

— Можно освободить диван в большой комнате.

— Я не про сегодняшнюю ночь.

Андрей хотел сказать, что сам разберёт всё к следующему приезду. Обещание уже готово было выйти — удобное, быстрое, никого не заставляющее назвать хозяина каждой вещи. Но Марина вчера просила не решать за неё. Освободить комнату самому значило бы снова распределить чужое без разговора.

— Давайте запишем, чьи здесь вещи, — сказал он. — И каждый заберёт свои.

— Ёлка общая, — отозвался Олег.

— Тогда решим вместе, где она будет стоять.

Марина посмотрела на отца. Не улыбнулась, но перестала держать плечи поднятыми.

На заднем дворе стало ещё теснее. Татьянины грядки подходили почти к старой яблоне. За яблоней Олег устроил площадку из досок и поставил мангал. Между сараем и забором Андрей когда-то натянул гамак, теперь его столбы поддерживали сетку для гороха. Колодец находился посередине, в четырёх шагах от заднего крыльца. От него шёл шланг к бочке и другой — к грядкам.

— Если выделять зоны, колодец остаётся общим, — сказал Павел. — И проход к нему тоже.

— А яблоня? — спросила Татьяна.

— Дерево можно включить в одну зону с обязанностью не перекрывать доступ к урожаю. Или оставить в общей.

— Это мамина яблоня, — сказал Андрей.

Олег сорвал сухую веточку.

— Мама все три сажала.

— Эту в год, когда Марина родилась.

— И что из этого следует?

Андрей не знал. Ничего юридического. Возможно, ничего практического. Но если линия пройдёт здесь и дерево окажется на стороне Олега, ему будет казаться, что брат получил не только землю. Если на его стороне — Олег решит то же самое.

Павел вбил в землю тонкий оранжевый штырь возле забора и размотал шнур до калитки. Не граница, объяснил он, а прямая для понимания. Шнур прошёл через край Татьяниной грядки, задел ствол яблони, пересёк угол дома и лёг поперёк круглого стола.

Все замолчали.

— Очень наглядно, — сказала Марина.

— Поэтому я и не люблю делить узкие участки вдоль, — ответил Павел.

Олег переступил через шнур.

— Можно сместить.

— Можно. Тогда одна зона станет меньше или линия будет ломаной. Но вы всё равно не получите две независимые дачи. Подъезд один, дом один, колодец один, проход к туалету один.

— А нас вообще трое, — сказала Татьяна.

— Собственников двое, — напомнил Олег.

— Семей трое.

— И это как раз вопрос, который схема не решит, — сказал Павел. — Сначала вы должны договориться, какие права признаёте. Я могу нарисовать проход шириной метр. Не могу нарисовать обещание вашей тёти.

Татьяна отвернулась и стала поправлять материал на грядке. Андрей видел, как мелко двигаются её пальцы. Мать действительно обещала Татьяне пользоваться дачей. Это было в больничной палате, за две недели до выписки, после которой мать прожила ещё четыре года. Андрей стоял у окна, Олег менял воду в стакане. Мать сказала: «Таню отсюда не гоните. Она здесь своя». Никто не спорил. Тогда слова казались благодарностью, а не условием будущей жизни.

— Мы признаём, — сказал Андрей.

Олег резко повернулся.

— Что признаём?

— Что Таня пользуется дачей. Мама просила.

— Пользуется — да. Владеет — нет. И до какого срока пользуется? Каждый выходной? Всё лето? Её дети потом тоже?

Татьяна выпрямилась.

— Мои дети сюда не ездят.

— Пока. А потом скажут: бабушке обещали.

— Ты уже моих внуков выгоняешь, которых ещё нет?

— Я хочу понимать срок.

— А у твоего срока есть срок?

Андрей встал между ними не телом, а голосом:

— Мы это отдельно запишем. Сегодня никто никого не выгоняет.

— Опять сегодня, — сказал Олег. — У тебя вся жизнь состоит из сегодня не надо.

Фраза попала точнее, чем Андрей хотел показать. Он наклонился и поднял шнур со стола, чтобы поставить на него банку. Шнур натянулся, оранжевый штырь у забора дрогнул.

— Тогда что ты предлагаешь прямо сегодня?

Олег будто ждал вопроса.

— Заказать актуальную съёмку. Освободить веранду и комнату. Составить список, кто чем пользуется. Потом сделать схему: передняя половина тебе, задняя мне, общие проходы отдельно. Тане — грядки и дни по договорённости.

— Почему задняя тебе? — спросила Марина.

— Там сарай и мой инструмент.

— А яблоня?

— Какая разница?

— Если разницы нет, возьми переднюю.

Олег посмотрел на дерево, потом на племянницу.

— В передней ворота. Машины будут ездить.

— Значит, разница есть.

Марина присела возле миллиметровки, разложенной на перевёрнутом ящике. На листе уже появились дом, веранда, дорожки и три заштрихованных пятна. Ни одно пятно не было отдельным. Они входили друг в друга, как следы чашек на скатерти.

— Сейчас у вас не две половины, — сказала она. — У вас несколько привычек. Дядя Олег чинит и хранит инструменты. Тётя Таня выращивает и готовит. Папа приезжает сидеть под яблоней и считает, что раз ничего не переставляет, то никому не мешает. Но его вещи тоже в доме. Вы пытаетесь поделить людей линией, а у людей здесь разные занятия.

— Архитектор приехал, — сказал Олег.

— Ты сам меня позвал.

— Я позвал наследницу.

— Вот именно. Не бесплатного чертёжника.

Андрей ожидал, что Олег вспылит. Но брат потёр ладонью затылок и сел на низкую скамейку.

— Хорошо. Что предлагает наследница?

— Пока ничего. Я только увидела, что моей комнаты больше нет.

Татьяна сняла карандаш с волос, и они рассыпались по плечам.

— Половина вещей там мои. Я сегодня унесу.

— Не обязательно сегодня, — начал Андрей и остановился.

Марина повернулась к нему.

— Почему не обязательно?

— Потому что Таня пешком. Коробки тяжёлые. Я отвезу вечером.

— Вот так можно, — сказала Марина. — Не отменить, а помочь.

Татьяна усмехнулась.

— Мне, значит, уже назначили выселение из детской.

— Из моей комнаты, — сказала Марина. — Не с участка.

— Справедливо.

Олег кивнул на соковыжималку.

— Я свою сейчас в фургон уберу.

Они вернулись к дому. Впервые за утро каждый нёс что-то своё: Олег — соковыжималку, Татьяна — мешки с травами, Андрей — коробку с ёлочными игрушками, которую признал общей и поставил в большой комнате до отдельного решения. Марина сняла с кровати ковры и вынесла их на веранду. Под последним обнаружилось выцветшее покрывало с красными квадратами.

— Оно ещё живо, — сказала она.

— Бабушка шила, — ответил Андрей.

— Я помню.

Она расправила покрывало. Комната сразу стала похожа не на склад, а на тесное место, где можно переночевать. На столе остался круглый след от соковыжималки. Марина провела по нему пальцем, но стирать не стала.

Во дворе Татьяна разлила из кастрюли ещё тёплый компот. Стаканов нашлось четыре, Павлу досталась кружка с надписью «Лучший рыбак», хотя рыбу в семье никто не ловил. Сырники ели стоя: стол занимали план и банки.

Павел назвал стоимость съёмки и подготовки двух вариантов схемы. Олег сразу записал сумму в свою тетрадь.

— Это не расход на дом, — сказал Андрей.

— Это расход на оформление дома.

— Мы не согласились заказывать.

Олег захлопнул тетрадь.

— Я записал предложение, не оплату.

— Рядом со стоимостью рубероида.

— Хочешь отдельную тетрадь для разговоров — заведи.

Андрей хотел ответить, но Марина положила ладонь на план.

— Давайте каждый скажет, что ему здесь действительно нужно. Не кому что принадлежит, а что нужно.

— Это уже переговоры, — сказал Павел. — За них я денег не беру, но присутствовать не обязан.

Он допил компот и начал складывать инструмент. Олег попытался удержать его вопросами о сроках, однако Павел дал только визитку.

— Сначала пришлите общее письмо от обоих собственников. Если закажет один, я сделаю съёмку для одного, но семейного порядка от этого не появится.

У калитки он остановился возле новой щеколды.

— Хорошо закрывается.

— Я утром поставил, — сказал Олег.

— Только ручки снаружи нет. Если захлопнется, ребёнок не откроет.

Олег проверил. Щеколда действительно открывалась только со двора, а с улицы приходилось просовывать пальцы в щель.

— Доделаю, — буркнул он.

После отъезда инженера участок будто стал меньше. Оранжевый шнур Павел убрал, но Андрей всё ещё видел линию: через грядку, яблоню, угол дома и стол. Стоило представить её законной, и привычные вещи оказались препятствиями.

— Ну? — спросил Олег. — Общее письмо отправляем?

— Сегодня? — Андрей услышал собственный ответ раньше остальных.

Брат усмехнулся.

— Конечно.

— Я не отказываюсь. Мне надо понять, что именно заказывать.

— Он сказал: съёмку и варианты.

— Варианты для двоих или троих? С признанием Таниных грядок или без? С отдельной комнатой Марины? Мы час ходили и выяснили, что даже стол некуда поставить.

— Поэтому нужен чертёж.

— Чертёж не скажет, имеет ли Таня право приезжать.

Олег посмотрел на Татьяну. Та собирала банки в коробку и делала вид, что занята только стеклом.

— Хорошо, — сказал он. — Неделя. В следующую субботу решаем, что заказываем. Не чай пьём, не маму вспоминаем, а решаем.

— У меня филиал закрывают, — сказал Андрей.

— У всех что-нибудь происходит.

— Я не оправдываюсь.

— Ты уже начал.

Марина свернула миллиметровку не в тубус, а свободной трубкой, чтобы не смазать карандаш.

— Я к следующей субботе сделаю не варианты раздела, а карту того, что есть. Проходы, вещи, кто когда приезжает. Потом каждый напишет три пункта: что нужно, за что готов отвечать и от чего может отказаться.

— Домашнее задание? — спросил Олег.

— Да. Раз уж вы двадцать лет не могли поговорить без него.

— А ты?

— Я тоже напишу.

— Хотя не знаешь, нужна ли тебе дача.

— Именно поэтому.

Татьяна завязала полотенце вокруг кастрюли.

— Мне нужна грядка, доступ к колодцу и место за столом. Вот мои три пункта.

— Это только первый, — сказала Марина. — Что нужно. Ещё ответственность и отказ.

— За грядку отвечаю. Отказаться могу от веранды, если будет где держать банки.

— Сарай забит, — сказал Олег.

— Значит, сарай тоже разберём.

— Кто?

— Все, — ответил Андрей.

Слово прозвучало слишком легко. Он уточнил:

— В воскресенье я приеду с машиной. Таня разберёт банки, Олег — инструменты, я — то, что осталось от родителей. Марина решит со своими вещами сама.

— Я в воскресенье работаю, — сказала Марина.

— Тогда не трогаем твоё.

Она кивнула.

Олег открыл рот, вероятно, чтобы напомнить про потраченное время, но промолчал. Взял отвёртку и пошёл к калитке приделывать наружную ручку.

Андрей отнёс банки Татьяны с круглого стола на веранду, оставив один чистый стакан. Потом вымыл стол водой из бочки. Под серой пылью проступил прежний белый пластик, испаранный по краям. Он принёс четыре стула и впервые за утро расставил их вокруг одного места.

Татьяна села первой. Марина рядом развернула свой рисунок. Андрей занял стул с кирпичом под ножкой. Олег ещё несколько минут возился у ворот, потом тоже подошёл, но не сел — опёрся ладонями о спинку.

На миллиметровке участок выглядел длинным прямоугольником, в котором всё помещалось. В жизни край стола касался прохода, ветка яблони цепляла Олега за плечо, а Татьяне пришлось подвинуть ноги, чтобы Марина могла пройти к дому.

— Так что тебе нужно? — спросила Марина у отца.

Андрей посмотрел на дом. На окне его комнаты висела занавеска, которую он не выбирал. Под яблоней стояло кресло, на котором он сидел три раза прошлым летом. В сарае лежала отцовская пила, затупившаяся ещё до его смерти. Сказать «сохранить всё» означало не ответить.

— Мне нужно, чтобы никто не потерял право приехать, — сказал он.

— Это про всех. А тебе?

Он вспомнил пустой читальный зал и Нину Павловну, прижавшую книгу к груди. Там ему тоже хотелось сохранить место для других, не отвечая, где будет его собственное место после закрытия.

— Не знаю, — признался Андрей. — К следующей субботе напишу.

Олег выпрямился.

— Только не пиши за Марину.

В голосе брата была насмешка, но Андрей не стал отбиваться.

— Не буду.

Марина аккуратно поставила рядом с именем отца вопросительный знак. Возле Татьяны написала: «грядка, колодец, стол». Возле Олега строка оставалась пустой.

— А тебе? — спросила она.

Олег посмотрел на крышу, новый жёлоб, бочку, навес с инструментами. Всё, чего он касался взглядом, он когда-то чинил.

— Чтобы сделанное мной не считали само собой разумеющимся.

— Это можно записать, — сказала Марина.

Она не стала переводить его ответ в квадратные метры.

Когда Андрей уезжал, наружная ручка уже стояла на калитке. Олег трижды проверил её с улицы. Татьяна унесла одну коробку крышек, остальные подписала заново. Марина оставила рисунок отцу, но сфотографировала его на телефон.

У поворота Андрей остановил машину и развернул лист на пассажирском сиденье. На нём были не три ровные доли, а дом, проходы, колодец, грядки, столы и имена. Оранжевая линия, которую провёл Павел, на рисунок не попала.

Сверху Марина написала: «Как есть». Ниже оставила место для второй карты.

Андрей взял ручку и рядом со своим вопросительным знаком добавил: «Не решать тишиной». Это ещё не было ответом на вопрос, что ему нужно. Но впервые его привычка тоже заняла место на плане и перестала казаться отсутствием решения.

Глава 3. Книги на списание

В понедельник в читальном зале появились четыре картонные коробки.

Вера Семёновна привезла их из центральной библиотеки сложенными одна в другую и поставила возле стойки. На боках синим маркером были написаны слова: «передача», «хранение», «списание», «сомнительное».

— Последнее — это что? — спросил Андрей.

— Это когда ты двадцать минут держишь книгу и не можешь положить ни в одну из первых трёх.

— Так нельзя учитывать.

— Поэтому на коробке нет номера акта.

Вера Семёновна разрежала скотч канцелярским ножом. Коробки расправились, но дно у двух не держалось.

— За сегодня нужно пройти краеведение и детский стеллаж, — сказала она. — Завтра приедет машина за первой партией.

— За сегодня два стеллажа?

— Нас трое.

За дальним столом уже сидела Лариса, библиотекарь из центральной. Она принесла ноутбук, сканер и собственную кружку с крышкой. Ларисе было около тридцати пяти; Андрей встречал её на общих совещаниях, но вместе они не работали. Она включала технику с той быстротой, которая казалась ему непочтительной к старым розеткам.

— Я проверяю по каталогу, — сказала Лариса. — Вы оцениваете состояние, Вера Семёновна оформляет списки.

— Состояние нельзя оценивать на бегу.

— Тогда на ходу. Машина всё равно завтра.

Андрей посмотрел на краеведческий стеллаж. В нём было шесть полок, по семьдесят-восемьдесят книг на каждой. Детский занимал целую стену.

— Сначала нужна сверка с инвентарной книгой.

— Сверка была в ноябре, — сказала Вера Семёновна.

— После ноября могли быть потери.

— Поэтому у нас есть выдача в системе.

— Не всё внесено в систему.

Лариса подняла глаза от ноутбука.

— Что именно не внесено?

Андрей услышал, как опасно прозвучала его фраза.

— Старые поступления. Часть карточек переносили вручную, могли быть расхождения.

— Вот их и отметим сомнительными.

Вера Семёновна вынула первую книгу. Альбом с видами Бережков, изданный двадцать два года назад, раскрылся у неё в руках на странице с речным вокзалом. Вокзал снесли ещё до ремонта набережной.

— Состояние?

Андрей взял альбом. Переплёт держался, на форзаце была детская запись шариковой ручкой: «Катя, 5б». Несколько страниц слиплись у края после воды.

— В хранение.

— Единственный экземпляр в системе, — сказала Лариса.

— Тем более.

— Спрос ноль за пять лет.

— Это краеведение. Его не только по спросу оценивают.

Вера Семёновна положила альбом в коробку «хранение».

— Дальше.

Следующей была тонкая книга об истории кирпичного завода. Корешок отсутствовал, страницы держались на двух скобах, обложка пахла сыростью.

— Хранение, — сказал Андрей.

Лариса перестала печатать.

— Почему?

— Тираж триста экземпляров. Завод закрыт. В центральной такой нет.

— Но пользоваться ей нельзя.

— Можно сделать копию.

— Кто сделает?

— Я.

— Когда?

Андрей посмотрел на часы. Было девять двадцать. До закрытия оставалось почти десять часов и тридцать четыре рабочих дня, если считать субботы.

— До конца недели.

Вера Семёновна не переложилась книгу ни в одну коробку.

— В сомнительное, — решила она. — С обязательством Андрея до пятницы проверить возможность оцифровки.

Лариса внесла примечание.

— Так и написать: обязательство Андрея?

— Напиши: «решение после оценки уникальности». Но мы-то будем знать.

Они продолжили. За первый час прошли двадцать восемь книг. В коробке на передачу лежали четыре, в хранении — девять, в списании — две. «Сомнительное» заполнилось наполовину.

— Если так пойдёт, нам понадобится пятая коробка, — сказала Лариса.

— Лучше пятая коробка, чем ошибка, — ответил Андрей.

— Ошибка тоже может лежать в пятой коробке.

Он не стал спорить. Взял справочник улиц за 1998 год. На полях кто-то карандашом отмечал переименования. Неофициальные пометки делали экземпляр испорченным для фонда и полезным для памяти. Андрей раскрыл книгу на букве «П». Улица Пионерская была зачёркнута, рядом аккуратно подписано: «Соборная, реш. № 18 от 14.03». Ниже другой рукой: «автобус всё равно объявляет Пионерская».

— Хранение, — сказал он.

— Основание? — спросила Лариса.

— Пометки жителей.

— То есть порча.

— То есть след времени.

— В каталог след времени не внесёшь.

— Можно в описание экземпляра.

Лариса развернула к нему ноутбук.

— Покажите поле.

В карточке были автор, название, год, издательство, страницы, размер, рубрика и номер. Поля для голоса человека, который продолжал называть Соборную Пионерской, не было.

— В примечание, — сказал Андрей.

— Тогда сформулируйте.

Он начал: «Экземпляр содержит рукописные пометы...» — и остановился. Канцелярские слова делали живую надпись дефектом. Но написать «читатели спорили с новыми названиями» значило придумать намерение неизвестного человека.

— Дайте минуту.

— Кладём в сомнительное, — сказала Вера Семёновна.

К одиннадцати сомнительными стали словарь местных говоров без титульного листа, сборник школьных сочинений, две папки газетных вырезок, путеводитель с устаревшими телефонами и фотоальбом районного конкурса дворов. На передачу ушли дубли, которых не было в центральной. На списание — книги с плесенью, разорванными страницами и один справочник налогов десятилетней давности.

Андрей каждый раз проводил ладонью по обложке, прежде чем назвать коробку. Лариса сначала ждала, потом стала сама сканировать следующую книгу, пока он думал над предыдущей.

В половине двенадцатого пришла Нина Павловна. Синий сборник она принесла в прозрачном пакете, хотя дождя не было.

— Куда возвращать? — спросила она с порога.

— Пока сюда.

Она увидела коробки.

— Уже выбрасываете?

— Разбираем.

— На выбрасывание тоже коробка есть?

Лариса показала на «списание».

Нина Павловна подошла и заглянула внутрь. Сверху лежал налоговый справочник.

— Этот можно, — разрешила она. — А под ним что?

— Книга с плесенью, — сказал Андрей.

— Покажите.

— Нина Павловна, нельзя дышать спорами.

— Я не буду дышать, только посмотрю.

Вера Семёновна улыбнулась и тут же сделала строгое лицо.

— Читателям к списанию доступа нет.

— Значит, ещё не закрылись, а уже доступ закрыли.

Нина Павловна положила пакет со сборником на стойку.

— Продлевать будете?

Андрей проверил шов. Клей высох, марля держала крепко.

— Буду. На месяц.

— А через месяц?

— Вернёте в центральную.

— Туда три остановки.

— Автобус ходит.

— Я хожу хуже.

Лариса сняла крышку со своей кружки, но пить не стала. Вера Семёновна перебирала листы, будто не слышала.

— Можно будет заказать доставку, — сказал Андрей. — У центральной есть надомное обслуживание.

— Кто принесёт?

— Сотрудник или волонтер.

— Какой сотрудник?

Андрей знал расписание центральной. Надомным обслуживанием занималась Галина Сергеевна, которой до пенсии оставалось восемь месяцев. Она ездила к семи читателям на другом конце города и уже просила не добавлять адреса.

— Я уточню.

— Запишите, — сказала Нина Павловна. — А то у вас всё уточняется, пока не закроется.

Он взял лист для заявок и записал её имя, адрес, телефон. В графе «основание» поставил: «трудно добираться». Хотел добавить возраст, но не помнил точно и не спросил.

— Какие книги вы обычно берёте, кроме рассказов?

— Вы же знаете.

— Для центральной.

— Семейные. Чтобы люди ошибались не от глупости, а потому что иначе не умеют.

Лариса подняла голову.

— Такой рубрики в каталоге нет.

— Поэтому я сюда и хожу, — ответила Нина Павловна. — Андрей знает, на какой полке она есть.

Она расписалась в формуляре и ушла со сборником. В дверях обернулась:

— Коробку с сомнительным не выбрасывайте, пока я не посмотрю.

— Нельзя, — сказал Андрей.

— Значит, приду завтра.

После её ухода Лариса внесла заявку в отдельную таблицу.

— Адрес вне нашего маршрута, — заметила она.

— Маршрут можно изменить.

— Можно. Только людей нельзя добавить в расписание одним столбцом.

— Я сам буду носить.

Вера Семёновна положила ручку.

— После закрытия ты работаешь в центральной на полставки. Полставки — это не свободная половина жизни для поручений.

— Один адрес.

— Сейчас один. К концу недели будет двадцать.

— И что предлагаете? Сказать им, что автобус ходит?

— Предлагаю сначала составить список, потом обещать.

Андрей увидел круглую дачную столешницу, на которой банки прижимали углы плана. «Марина ответит сама», — написал он в пятницу. В субботу чуть не пообещал за Татьяну вывезти вещи. Теперь уже обещал ходить к читателям, не зная своего расписания.

— Хорошо, — сказал он. — Пока только заявка.

Лариса стёрла из примечания фамилию Андрея, которую успела вписать как исполнителя.

В час дня библиотека открылась для посетителей. Коробки пришлось отнести в подсобку, где между стеной и шкафом оставался проход шириной в плечи. «Передачу» поставили у двери, «списание» — у окна, «хранение» — на старый стол. Для «сомнительного» места не нашлось.

— Оставим в читальном зале, — предложил Андрей.

— Посетители полезут, — сказала Вера Семёновна.

— Напишем «служебное».

— Нина Павловна прочитает и всё равно полезет.

В итоге коробку поставили под рабочий стол Андрея. Она не помещалась целиком, и ему пришлось сидеть, развернув колени в сторону.

Первым пришёл мальчик лет одиннадцати и спросил книгу про вулканы. Андрей повёл его к детскому стеллажу, где утром успели разобрать только верхнюю полку. Энциклопедия вулканов нашлась на третьей. Обложка была надорвана, но внутри всё цело.

— Её тоже выбросят? — спросил мальчик.

— Почему тоже?

— В классе сказали, библиотеку сносят.

— Здание не сносят. Филиал переезжает.

Слово вышло само. Формально филиал не переезжал: его закрывали, фонд распределяли.

— Куда?

— В другие библиотеки.

— А эта книга куда?

Андрей посмотрел на штрихкод. В центральной имелось новое издание, ярче и толще. Старую энциклопедию, вероятно, признают дублем. На странице про Везувий кто-то пририсовал дым карандашом. На развороте с разрезом земной коры прозрачный скотч пожелтел.

— Пока можешь взять.

— А вернуть куда?

Тот же вопрос, только голос другой.

— До тридцатого июня сюда. Потом в центральную на площади.

— Мама туда не пойдёт. Там парковки нет.

— Вернёшь сам.

Мальчик пожал плечами.

— Я на самокате.

Он оформил книгу и уехал, прижав её к рулю. Андрей отметил в списке: «Энциклопедия вулканов — выдана». Решение о коробке отодвинулось на месяц, когда филиала уже не будет.

Следом пришла воспитательница детского сада за книгами о лете. Она брала сразу двадцать и выбирала самые большие, чтобы показывать группе. Андрей помог сложить их стопкой. Три были с повреждёнными корешками.

— Эти вам лучше не брать, — сказал он.

— Почему? Мы аккуратно.

— Их могут списать.

— Так отдайте нам насовсем.

— Нельзя без акта.

— Оформите акт.

— Списание не означает передачу.

Воспитательница сняла верхнюю книгу со стопки.

— А что означает?

— Изъятие из фонда. Дальше комиссия решает, возможна ли безвозмездная передача или утилизация.

— Вы сейчас по-человечески можете?

Андрей понял, что произнёс слова, за которыми сам прятался с утра.

— Сначала нужно подтвердить, что книга нам больше не нужна. Потом проверить, можно ли её отдать. Просто вынести нельзя.

— А до тридцатого числа можно читать?

— Можно.

— Тогда давайте. Если развалится, подклеим.

Она забрала все двадцать. Андрей записал выдачу и увидел, что ещё три решения переехали в будущее.

К четырём часам посетителей стало меньше. Лариса уехала в центральную с коробкой «передача» и обещала вернуться утром. Вера Семёновна ушла на встречу с хозяином помещения. Андрей остался один.

Он мог продолжить разбор, но сначала решил привести в порядок «сомнительное». Поставил коробку на стол, вынул все книги и разложил стопками: уникальные, испорченные, с пометами, устаревшие, местные издания. Потом внутри каждой стопки разделил по размеру, году и состоянию. На отдельных листках написал, что нужно проверить.

Для книги о кирпичном заводе: найти второй экземпляр в музее, узнать стоимость сканирования, проверить разрешение на копирование. Для сборника школьных сочинений: уста-

новить год и школу. Для газетных вырезок: определить происхождение. Для альбома дворов: найти список участников.

Через час стол был покрыт аккуратной системой, а решение не приблизилось.

Андрей открыл инвентарную книгу. Толстый том лежал в нижнем ящике стойки, корешок был подклеен серой тканью. Записи начинались в 1987 году. Он нашёл номер книги о заводе. В графе «источник поступления» стояло: «дар автора». Фамилия автора была написана неразборчиво: то ли Шилин, то ли Жилин. Цена — один рубль двадцать копеек.

В каталоге автора не оказалось. Андрей полез в папку актов за девяностые, затем в старую картотеку. На букву «Ш» было две карточки, на «Ж» — ни одной. Он проверил краеведческие газеты. В одной заметке упоминался мастер завода Николай Шилин, собиравший историю цехов.

Андрей испытал удовлетворение, будто спас книгу. Но он выяснил только фамилию человека, которого, вероятно, уже не было в живых.

Телефон завибрировал. Марина прислала фотографию дачного рисунка и три строки:

«Нужно: право самой решать, приезжать или нет.

Отвечаю: за свою комнату и вещи.

Могу отказаться: пока не знаю».

Ни приветствия, ни вопроса, написал ли отец своё. Андрей посмотрел на листки вокруг. Здесь он тоже знал, за что отвечает: за номер, состояние, законность выбытия. Не знал, от чего может отказаться. Каждая книга становилась исключением, если открыть её достаточно внимательно.

Он набрал Марине: «Получил. Я ещё думаю». Потом добавил: «Комнату в воскресенье не трогали. Только вынесли наше общее в большую». Отправил.

Ответ пришёл сразу: «Спасибо, что не решил за меня, что общее».

Андрей перечитал фразу дважды. В ней не было упрёка, но он всё равно услышал прежние случаи: школьные рисунки, которые он отвёз на дачу без спроса; письменный стол, отданный соседям; коробка игрушек, объявленная семейной. Он считал это хозяйственностью. Марина запоминала как исчезновение выбора.

В дверь вошёл мужчина в кепке и рабочей куртке. Андрей сначала решил, что это посетитель, потом узнал Сергея Ильича, бывшего инженера кирпичного завода. Тот приходил за газетами и всегда возвращал их ровно через неделю.

— Закрываетесь? — спросил Сергей Ильич.

— До семи работаем.

— Я вообще.

— Тридцатого июня последний день.

Это был первый раз, когда Андрей сказал дату посетителю без оговорки.

Сергей Ильич снял кепку, хотя в помещении этого никогда не делал.

— Понятно. А заводская книжка у вас жива?

Андрей посмотрел на тонкий том без корешка.

— Вот она. Вы автора знали?

— Колю Шилина? Конечно. Он её сам на ротаторе печатал. Половину фотографий у моего отца взял и не вернул.

— Другие экземпляры сохранились?

— У вдовы был. После её смерти квартиру продали. Может, детям ушёл, а может, вместе с газетами выбросили.

Сергей Ильич осторожно взял книгу за края.

— Эта наша, заводская. Тут тираж написан триста, а сделали штук восемьдесят. Бумаги не хватило.

— Откуда вы знаете?

— Я обложки скреплял. Вон скоба кривая — моя работа.

Он раскрыл страницу с общей фотографией цеха и назвал пятерых людей в третьем ряду. Андрей стал записывать имена на листке. Сергей Ильич поправлял ударения, вспоминал должности, один раз долго молчал над лицом женщины в белом платке.

— Это Галя из лаборатории. Фамилию забыл. Она одна знала, когда глина жирная, а когда просто мокрая. Прибор показывал одно, она пальцами растирала и говорила: сушите дольше.

— Можно я запишу ваш рассказ на телефон?

— Зачем?

— Чтобы сохранить имена.

— Книгу-то сохраните?

— Постараемся.

— Опять «постараемся».

Андрей положил ручку.

— Сохраню. Передам в краеведческий фонд центральной с примечанием о редкости. До передачи сделаю копию для работы, если разрешат.

Слова прозвучали как решение, и сразу возникли действия. Нужно было оформить заключение, приложить сведения о тираже, записать Сергея Ильича как источник устной информации. Не просто отложить книгу в хорошую коробку.

— Так лучше, — сказал Сергей Ильич. — А фотографии мои потом подпишем.

Он согласился на запись. Андрей поставил телефон между ними. За двадцать минут выяснилось, что книга была составлена к семидесятилетию завода, печаталась в конторе, фотографии собирали по семьям, а один разворот перепутали местами. Сергей Ильич обещал принести список работников первой печи.

Когда он ушёл, Андрей перенёс книгу из «сомнительного» в «хранение». На листе написал основание простыми словами: «Редкое местное издание; по свидетельству участника печати фактический тираж около 80 экземпляров; содержит фотографии и имена работников закрытого кирпичного завода. Требуется сохранение в краеведческом фонде».

Это заняло четыре строки и не гарантировало решения комиссии. Но теперь книга лежала там не потому, что Андрей не смог с ней расстаться.

Он взял справочник улиц с карандашными пометами. Позвонил в городской архив, описал экземпляр и спросил, нужны ли им свидетельства бытового употребления старых названий. Архивист попросила прислать фотографии страниц. Альбом конкурса дворов оказался вторым экземпляром; первый хранился в отделе культуры. Его можно было списать без утраты сведений. Устаревший путеводитель имел дубль в центральной, но на его карте был отмечен исчезнувший пешеходный мостик. Андрей вложил закладку и запросил решение краеведа.

К закрытию в «сомнительном» осталось девять книг вместо тридцати семи. Семь перешли в хранение с понятными основаниями, одиннадцать — в передачу, десять — в списание. Для каждой из последних Андрей проверил дубль или полную утрату пригодности. От этого они не стали ненужными вообще. Они просто перестали быть единственными.

Вера Семёновна вернулась без пяти семь, уставшая и злая.

— Хозяин требует освободить помещение к пятому июля. Ни дня на «потом заберём». Что у нас?

Андрей показал коробки и листы.

— Краеведение закончил. Почти.

— Девять сомнительных — это почти?

— По ним есть вопросы и сроки. Завтра архив ответит, музей проверит два названия, Сергей Ильич принесёт список к книге о заводе.

— А детский?

— Не начал.

Она закрыла глаза и прижала пальцы к переносице.

— Андрей, машина завтра в десять.

— Передача готова. Хранение готово. Списание готово. Девять останутся до решения.

— Потом будет ещё детский, взрослый абонемент, техника, мебель, архив формуляров.

Мы не можем расследовать жизнь каждой книги.

— Не каждой. Только тех, у которых решение зависит от неизвестного факта.

— Ты уверен, что отличишь неизвестный факт от нежелания решать?

Он посмотрел под стол. Коробка больше не мешала ногам, но место от неё осталось свободным, и Андрей по привычке сидел боком.

— Сегодня отличил тридцать семь раз.

Вера Семёновна взяла заключение о книге Шилина, прочитала.

— Это хорошо. Только за одно такое заключение ты мог разобрать полку.

— Если бы разобрал полку, эту книгу списали бы из-за корешка.

— Возможно. А если мы будем спасать всё, книги останутся здесь пятого июля вместе со шкафами. Хозяин вынесет их во двор. Тогда не спасём ни одну.

Она вернула лист.

— Завтра работаем иначе. Сначала очевидные решения. Сомнительное — только если ты пишешь один конкретный вопрос и срок ответа. Не «изучить уникальность», а «музей отвечает до среды». Нет ответа в срок — решает комиссия без твоего расследования.

Андрей хотел возразить против последней фразы. Срок не делал решение верным. Но отсутствие срока делало его невозможным.

— Хорошо.

— И заявки читателей собираем без обещаний. Я договорилась: центральная пересматривает маршрут, когда будет весь список.

— Нина Павловна первая.

— Вижу.

Вера Семёновна надела пальто.

— Ты домой собираешься?

— Закрою через пять минут.

— Через пять, не через два часа.

После её ухода Андрей выключил свет в читальном зале, оставив лампу над стойкой. В полутьме стеллажи снова казались целыми. Если не подходить близко, не было видно порванных корешков, дублей, плесени и книг, которые никто не открывал много лет. Можно было представить, что достаточно запереть дверь, и всё сохранится само.

Он достал из кармана листок с тремя вопросами Марины. На обороте написал:

«Нужно: пока не знаю.

Отвечаю: за решения по своей доле и за то, что обещаю сам.

Могу отказаться: от права говорить за Марину».

Последняя строка показалась ему слишком торжественной. Отказаться на бумаге было проще, чем промолчать в нужную секунду. Андрей зачеркнул слово «права» и написал: «от привычки отвечать за Марину».

Потом сфотографировал лист и отправил дочери.

Она ответила не сразу. Андрей успел закрыть окна, опечатать подсобку и вынести к служебному выходу коробку на передачу. Уже на улице телефон завибрировал.

«Принято. Но первый пункт всё равно нужен».

Андрей сел на скамейку у библиотеки. Через стекло виделись четыре коробки: три решённые и одна оставленная до конкретных ответов. Над входом горела вывеска, две буквы в ней не работали, и получалось «БИБЛ ОТЕКА» — слово с промежутком, которое всё равно можно было прочитать.

Он открыл записку и записал на завтра: «Детский стеллаж. Сначала очевидное. Один вопрос — один срок». Ниже добавил: «Что нужно мне на даче?»

Срок поставил пятницу. Не потому, что к пятнице обязан был найти правильный ответ, а потому, что без срока вопрос снова стал бы коробкой под столом, о которую он научился не задевать ногами.

Глава 4. Брат чинит крышу

В пятницу вечером Олег прислал фотографию тёмного пятна на потолке веранды.

Снимок был сделан снизу: две доски, шляпка гвоздя и расплывшийся по белой краске серый круг. Для масштаба Олег приложил к потолку складной метр. Рядом с фотографией он написал: «После дождя выросло на три сантиметра. Завтра вскрываю».

Андрей увидел сообщение в автобусе, когда возвращался из библиотеки. До своего личного ответа оставалось, по его же обещанию, несколько часов. Всю неделю он записывал в блокнот возможные формулировки: «сохранить место для всех», «не продавать», «иметь возможность приезжать». Последняя казалась честнее других, но за ней сразу вставал вопрос: когда он в последний раз приехал на дачу один, не по просьбе Олега и не на семейный сбор? В прошлом августе он забрал банки для Марины. До этого весной помог вынести старый матрас. Желание иметь возможность приезжать было похоже на желание держать книгу, которую давно не открываешь, только потому, что её могут забрать.

Он увеличил фотографию. На краю пятна проступала жёлтая полоска. Над верандой лежал короткий скат крыши, пристроенный ещё отцом. Олег перекрывал его лет десять назад, но тогда денег хватило только на рубероид.

«Во сколько начинаешь?» — написал Андрей.

«В семь. Пока не жара».

«Приеду».

Олег ответил не сразу.

«Рабочая одежда есть?»

Андрей посмотрел на свои серые брюки, в которых ходил между стеллажами последние четыре года.

«Найду».

Он не отправил в общий чат обещанный ответ. Сначала решил увидеть крышу.

В половине восьмого в субботу Олег уже стоял на приставной лестнице. Его фургон был загнан во двор задом, обе створки распахнуты. На траве лежали рулон подкладочного материала, пачка гибкой черепицы, доски, две канистры и ящик с инструментами. Всё было накрыто прозрачной плёнкой, хотя небо оставалось чистым.

— Ты сказал в семь, — произнёс Андрей вместо приветствия.

— Я в семь начал. Ты спросил, во сколько начинаю, а не во сколько тебе приехать.

Олег спустился на две ступени и посмотрел на старые спортивные штаны брата.

— Перчатки взял?

— Нет.

— В синем ящике.

Андрей нашёл три пары. Одни были жёсткими от засохшего раствора, вторые — слишком маленькими, третьи пахли резиной и машинным маслом. Он надел третьи.

На крыше уже была отогнута полоса рубероида. Под ней чернела влажная доска.

— Вчера дождя не было, — сказал Андрей.

— Она не высыхает. Вон край посмотри.

Олег ткнул отвёрткой. Древесина поддалась, как плотный хлебный мякиш.

— Это менять надо?

— А ты как думаешь?

— Я спрашиваю тебя.

— А я пятнадцать лет отвечаю.

Олег произнёс это без повышения голоса и снова полез наверх. Андрей придержал лестницу. Она была новая, алюминиевая, с широкой перекладиной внизу. Прежнюю деревянную

отец сколотил сам; она стояла за сараем, почерневшая и перекошенная. Андрей помнил, как Олег однажды сорвался с неё, когда чистил жёлоб. Тогда брат ушиб плечо, неделю не мог поднять руку, а через месяц привёз эту лестницу.

— Что делать? — спросил Андрей.

— Сними со стены водосточную трубу. Только крепления не ломай. Они ещё пойдут.

Труба держалась на трёх хомутах. Нижний винт Андрей выкрутил легко, средний заржавел. Он попробовал сильнее, отвёртка соскочила и оставила на краске длинную царапину.

— Брызни, — сказал Олег сверху.

— Чем?

— Серый баллон в ящике.

В ящике лежали два серых баллона.

— Который?

— На котором написано «смазка».

— Можно нормально объяснить?

Олег спустился, взял нужный баллон и присел у стены.

— Нормально — это один раз показать. Дальше человек запоминает.

Он очистил щёткой резьбу, брызнул на неё и подождал. Потом осторожно повернул винт сначала на затяжку, затем обратно.

— Если сразу давить, сорвёшь шлиц. Потом высверливать. Пять минут превращаются в час.

Андрей принял отвёртку. Со второго раза винт пошёл.

Они сняли трубу и положили вдоль забора. Олег велел подать ломик и клещи. Старый рубероид отходил кусками, на сгибах крошился чёрным песком. Андрей складывал его на расстеленную плёнку. Из-под одного слоя выпал сухой осиновый кокон. Олег отбросил его перчаткой.

К девяти открыли весь короткий скат. Две крайние доски потемнели, одна прогнила возле жёлоба. Остальные выглядели сухими, но Олег прошёл каждую шилом.

— Я думал, ты всю крышу менять собрался, — сказал Андрей.

— Зачем всю?

— Материала много.

— Остаток на сарай. Там край тоже пошёл.

— То есть ты сразу и сарай решил?

Олег выпрямился на крыше.

— Я купил с запасом, потому что поштучно это дороже. Сарай не сегодня. Если тебя тревожит, что я сам решил, можешь проголосовать за дырку.

— Меня тревожит, что ты потом принесёшь чек и скажешь: я вложил, значит, моё.

Олег медленно положил молоток.

— Чек я принесу в любом случае. А вот что он значит, вы как раз и должны решить.

— Мы.

— Что?

— Не «вы». Мы должны решить.

Олег посмотрел на него сверху, шурясь от солнца.

— Тогда подай доску, участник решения.

Доска оказалась тяжелее, чем выглядела. Андрей поднял один конец, второй зацепился за траву. Олег спустился, и они понесли вдвоём. Возле лестницы выяснилось, что шестиметровую доску нельзя подать целиком: мешала яблоневая ветка.

— Резать будем по месту, — сказал Олег. — Сначала снимем размер.

Он достал рулетку. Андрей держал металлический язычок у края ската, Олег протянул ленту до стены.

— Два сорок семь и восемь.

— Два сорок восемь.

— Я сказал: два сорок семь и восемь.

— Два миллиметра что-то решат?

— Когда вставляешь доску между целыми, решат. Короткая гуляет, длинная не влезает.

Олег записал размер карандашом прямо на обрезке рубероида. Андрей вспомнил тетрадь, лежавшую неделю назад на круглом столе. Там тоже были цифры с точностью, которая казалась ему нарочитой: лист железа, саморезы, пропитка, доставка. Он относился к ним как к доводам в споре, хотя прежде они были просто способом не купить доску дважды.

— Тетрадь здесь? — спросил он.

— В доме.

— Покажешь после крыши?

— Ты её уже видел.

— Я видел сумму.

Олег пожал плечами.

— Покажу.

Новую доску они отпилили ручной циркулярной пилой. Олег сначала проверил, не доста-нет ли кабель до лезвия, надел очки и только потом нажал кнопку. Андрей придерживал даль-ний конец. Опилки легли ему на перчатки и кроссовки. Запах свежей сосны на минуту перебил сырой запах снятой кровли.

Доска вошла плотно. Олег постучал киянкой, выставил край и дал Андрею шуруповёрт.

— По два самореза в каждую опору. Не у самого края.

Первый саморез Андрей утопил слишком глубоко.

— Хватит, — сказал Олег.

— Держится же.

— Держится. Только ты шляпкой раздавил верхний слой. Здесь вода найдёт ямку.

— Под покрытием какая вода?

— Та, которую мы сейчас ищем в потолке.

Олег выкрутил саморез и поставил рядом другой. Не ругался, не отбирал инструмент. От этого Андрей почувствовал себя ещё более неловко. Он вкрутил остальные медленнее.

К десяти приехала Татьяна. Она внесла во двор сумку с продуктами, остановилась перед раскрытой крышей и сказала:

— Только чай поставила бы сначала. Вы же с утра ничего не ели.

— Я ел, — ответил Олег.

— Кофе не еда.

— А ты откуда знаешь, что был кофе?

— У тебя стакан в машине.

Татьяна посмотрела на Андрея.

— А ты?

— Тоже.

— У тебя нет стакана.

Она ушла в дом. Через открытое окно было слышно, как она двигает банки на веранде, освобождая край стола. Андрей хотел сказать, что разберётся с завтраком сам, но промолчал: отказ прозвучал бы как претензия, а согласие — как привычное принятие чужого труда. Через минуту он снял перчатки и вошёл следом.

— Давай я нарежу хлеб, — сказал он.

— Режь. Колбасу не трогай, она Олегова.

— У нас теперь и колбаса по зонам?

— Она острая. Ты такую не ешь.

Татьяна говорила не об обиде и не о собственности, а о простой разнице вкусов. Андрей взял хлебный нож. На веранде потолочное пятно было заметнее, чем на фотографии. Под ним стояло пустое эмалированное ведро.

— Капало?

— Ночью во вторник, — сказала Татьяна. — Я приезжала полить. Подставила.

— Почему мне не позвонила?

— Олегу позвонила. Он крышу чинит.

— Можно было и мне.

Татьяна обернулась.

— Андрей, я не распределяла справедливость. Я звонила тому, у кого лестница и материалы.

Он отрезал хлеб неровно, один ломоть вышел вдвое толще другого.

— Вот именно, — сказал Олег из двери. — Потом оказывается, что я всё решаю. Потому что мне звонят, когда течёт.

— А ты мог позвонить мне.

— Мог. Чтобы ты сказал: в субботу посмотрим?

— Я приехал.

— Сегодня приехал.

Татьяна поставила на стол три кружки.

— Крыша открыта. Если вы сейчас начнёте считать прошлые звонки, дождь успеет прийти раньше ответа.

Они выпили чай стоя. Олег съел два бутерброда быстро, почти не жуя, и вернулся к лестнице. Андрей убрал крошки ладонью. Татьяна завернула оставшийся хлеб.

— Ты тоже в его тетради есть? — спросил Андрей.

— В каком смысле?

— Он записывал расходы. Твои деньги, работу.

— Деньги иногда записывал. Работу — не знаю.

— Какую работу?

Татьяна посмотрела на него так, словно вопрос был слишком широким.

— Я весной дом мою. Грядки полю. За тётей Лидой сюда ездила, когда вы оба работали. В больницу её отсюда возила. Это не ремонт.

— Но вклад.

— Если вы начнёте считать, сколько раз я мыла пол, я больше его мыть не смогу. Буду каждый раз думать про цену.

Она взяла полотенце и стёрла со стола мокрый круг от кружки.

— А если не считать, — сказал Андрей, — всё достанется тому, кто сохранил чеки.

— Вот поэтому не надо делать одну цифру из всего. Крышу можно посчитать. То, что я сидела с вашей мамой, нельзя. Но и делать вид, что этого не было, тоже нельзя.

Снаружи заработал шуруповёрт.

— Иди, — сказала Татьяна. — А то он решит, что ты приехал хлеб резать.

До полудня они закрыли новые доски пропиткой и раскатали подкладочный слой. Олег отмерял полосы, Андрей резал на земле. На третьей полосе он ошибся на десять сантиметров, потому что начал отсчёт не от того края рулетки. Олег ничего не сказал, только отложил короткий кусок к сараю.

— Можно же было нарастить, — заметил Андрей.

— Можно. Но стык будет там, где вода идёт сильнее всего. Зачем делать слабое место из экономии двухсот рублей?

— Ты всегда знаешь, где экономить нельзя.

— Нет. Я уже два раза узнал неправильно.

Олег показал на старый рубероид.

— Первый раз взял самый дешёвый. Через четыре года пошли трещины. Второй раз положил новый сверху, потому что не хотел вскрывать доски. Продержалось ещё шесть. Теперь меняю и покрытие, и гниль. Трижды заплатил за одно место.

— В тетради все три раза?

— Все.

— Даже первый, неудачный?

— А деньги от того, что я ошибся, обратно не пришли.

Андрей сел на перевёрнутое ведро. Солнце поднялось над яблоней, тень от дома стала короткой. Перчатки намокли изнутри. Олег спустился за пачкой черепицы, но вместо неё принёс из дома клетчатую тетрадь и положил на капот фургона.

— Давай сейчас. Пока пропитка сохнет.

Обложка была заклеена прозрачной лентой по стигбу. На первой странице стоял год, когда умер отец. Ниже Олег написал: «Дача. Общее». Первые записи были редкими: новый замок, стекло для окна, две петли, краска. Рядом с некоторыми суммами стояла буква «А», рядом с другими — «Т».

— Это мы? — спросил Андрей.

— Ты и Таня. Когда давали деньги.

— Я не помню половину.

— Поэтому записано.

Через три года записи стали подробнее. Насос для колодца, кабель, автомат, работа электрика. Олег приклеивал чеки к страницам, а выпцветшие цифры переписывал ручкой на полях. Возле замены нижнего венца дома сумма занимала пять строк. Был указан материал, доставка, питание двум рабочим и три дня отпуска без содержания.

— Отпуск тоже в деньгах? — спросил Андрей.

— Я написал дни, не сумму.

— Но предъявляешь всё вместе.

— Я предъявляю, что это было.

На следующем развороте Андрей увидел запись: «Андрей — восемь тысяч». Он помнил тот перевод. Олег попросил на доски, Андрей отправил деньги вечером и решил, что сделал свою часть. Полная сумма ремонта была почти в семь раз больше.

— Почему ты тогда не сказал, сколько всего?

— Сказал. Ты ответил, что больше не можешь.

— Значит, я отказался?

— Значит, дал сколько мог. Я не спорил.

Андрей листал дальше. В один год Олег не записал почти ничего, только дважды бензин и средство от ос. Это был год, когда Марина поступала в институт и Андрей брал дополнительные смены. Потом появились новый забор со стороны дороги, ремонт крыльца, замена трубы в колодце. Возле трубы стояла буква «Т» и половина суммы.

— Таня платила?

— Да.

— А собственники мы.

— Вода нужна была всем.

— Ты вернул ей?

— Почему я?

Андрей понял, что снова задал вопрос так, будто Олег был распорядителем общего кошелька. Он провёл пальцем по столбцу цифр.

— Сколько здесь твоих денег?

— В конце посчитано. Но сумма без поправки на старые цены и без износа. Я не оценщик.

— А чего ты хочешь за них? Именно за них, не вообще.

Олег опёрся ладонями о капот.

— Чтобы вы признали: дом стоит сейчас не только потому, что отец его построил. И не потому, что все его одинаково любили. Я тратил деньги, выходные и отпуск. Если дом продаём, сначала считаем подтверждённые улучшения, потом делим остаток. Если пользуемся, у меня должно быть место для инструмента и время, когда я могу работать, не спрашивая каждую банку на столе.

— Большая часть участка?

— Я сказал про участок неделю назад, потому что хотел получить хоть что-то определённое. Сейчас говорю точнее.

— А если оценщик решит, что твои ремонты уже ничего не стоят?

Лицо Олега изменилось не сразу. Он закрыл тетрадь, разгладил ладонью плёнку на обложке.

— Тогда для денег — ничего. Но вы хотя бы увидите, что я их делал.

— Увидим и скажем спасибо?

— Не издевайся.

— Я не издеваюсь. Я пытаюсь понять, где признание заканчивается и начинается право.

— А я пятнадцать лет пытаюсь понять, где общее начинается. Когда надо красить забор? Когда течёт? Когда налог пришёл? Или когда яблоню делят?

Олег взял тетрадь и пошёл к дому. Андрей догнал его у крыльца.

— Подожди. Я не говорю, что ты не прав.

— Ты всё время говоришь, что ещё не решил. Для того, кто делает, это звучит одинаково.

— Я сегодня делаю.

Олег обернулся.

— Сегодня ты помогаешь мне. Это хорошо. Но не переписывай одним утром пятнадцать лет. Мне не надо, чтобы ты унился и объявил себя бесполезным. Мне надо, чтобы в следующий раз дырка была не только моей срочностью.

Он положил тетрадь на подоконник веранды и вернулся к крыше.

После этого работали молча. Черепицу укладывали снизу вверх. Олег показывал, как смещать стыки и где забивать гвозди. Андрей подавал листы, потом поднялся на крышу сам. Скат был невысокий, но у края земля казалась дальше, чем с лестницы. Он сел, упираясь подошвами в прибитую рейку.

— Не смотри вниз, — сказал Олег. — Смотри, куда ставишь руку.

— Очень полезный совет.

— Другого нет.

Они прошли два ряда. Андрей забивал гвозди: сначала осторожно, короткими ударами, потом увереннее. Один согнул. Олег выдернул его клещами и бросил в карман, а не на землю.

— Марина в детстве здесь ходила? — спросил Андрей.

— На крыше?

— По даче.

— Конечно.

— Я имею в виду, когда меня не было.

Олег примерил следующий лист.

— Часто. С матерью приезжала. Ты после развода выходные путал.

— Я не путал.

— Хорошо. У тебя расписание менялось.

— Почему она мне не говорила?

— Кто?

— Марина.

— Может, говорила. Может, не хотела, чтобы ты думал, будто она выбирает нас. Андрей ударил по гвоздю слишком сильно. На тёмной поверхности осталась вмятина.

— Вот, — сказал Олег. — Этот лист лучше заменить.

— Из-за вмятины?

— Из-за того, что ты сейчас не здесь.

Андрей выдернул гвозди сам. Испорченный лист положил в сторону сарая, хотя понимал, что Олег его туда не поставит.

— Я в пятницу обещал написать, что мне нужно от дачи, — сказал он.

— И?

— Не хочу продавать.

— Это не потребность. Это запрет для остальных.

— Хочу иметь место, куда Марина сможет приезжать.

— Она просила?

— Нет.

— Тогда опять за неё.

Андрей подтянул к себе новый лист.

— Хочу приезжать сам. Даже если она не приедет.

Олег подождал, пока он забудет первый гвоздь.

— Зачем?

Ответ про родителей Андрей отбросил. Родителей здесь не было. Их вещи оставались, но большую часть этих вещей никто не хотел брать в город. Ответ про отдых тоже не подходил: после каждого дня на даче он уезжал уставшим от разговоров, которых избегал.

— Чтобы делать что-то, за что отвечаю не на полставки, — сказал он.

Олег усмехнулся.

— Начни с жёлоба.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Возьми на себя жёлоб, веранду и налог. Не помогать мне, когда позову, а самому смотреть и делать. Через год поймёшь, нужно тебе это место или мысль о нём.

— Ты сейчас назначил мне обязанности?

— Предложил. Можешь отказаться.

Андрей посмотрел на открытый участок крыши. Отказаться сейчас было бы легко: он мог сказать, что у него закрытие филиала, новая работа, городская квартира и больная спина. Всё это было правдой. Но правдой было и то, что Олег научился различать звук дождя по потолку, потому что больше некому было слушать.

— До осени беру веранду и жёлоб, — сказал Андрей. — Налог делим по документам, но я слежу за сроком и собираю деньги заранее.

— Запиши в чат.

— Запишу.

— Не мне лично. Всем.

— Понял.

К трём часам крыша была закрыта. Олег установил капельник, они вернули водосточную трубу и вылили на верхний край два ведра воды. Андрей стоял на веранде и смотрел на пятно. Оно не росло. Вода прошуршала по жёлобу и ударила в бочку.

— Проверять надо дождём, — сказал Олег. — Ведро — это чтобы явную ошибку увидеть.

Татьяна принесла тарелку с нарезанными огурцами и поставила на круглый стол под яблоней. Игорь приехал после обеда, заменил сломанную петлю на калитке и теперь мыл руки у колодца. Никто не созывал семейный совет, но все оказались рядом.

Андрей открыл общий чат.

«Мой ответ. Я хочу сохранить возможность пользоваться дачей сам, не прикрываясь Мариной. До осени беру ответственность за веранду и водосток: осмотр после дождя, мелкий ремонт, подготовка к зиме. За сроком налога слежу я, суммы собираем по долям. Расходы Олега считаю реальным вкладом, но предлагаю отдельно оценить, что из улучшений сохранило стоимость. Это не даёт никому права решать за остальных. По Марининой доле и приездам отвечает только Марина».

Он перечитал и перед отправкой заменил «беру ответственность» на «сам осматриваю и организую ремонт». Первая фраза звучала крупно, вторая объясняла, что именно он будет делать.

— Я написал, — сказал Андрей.

У Олега в кармане звякнул телефон. У Татьяны — на подоконнике. Игорь вытер руки о штаны и достал свой.

— А мне зачем это читать, если ты рядом? — спросила Татьяна.

— Чтобы потом слова не менялись.

Она прочла сообщение.

— Про мои расходы ничего.

— Какие нужно записать?

— Я не про деньги. Но сейчас не надо. В следующую субботу скажу, что мне нужно, как договорились.

Олег прочёл молча. Потом написал в чат: «Крышу веранды сегодня заменили. Материалы 18 640. Чеки есть. Работа своими силами. Андрей участвовал».

— Мог бы написать «сделали вместе», — сказал Андрей.

— Мог бы. Но материал выбирал и покупал я, старую крышу вскрыл я, а ты приехал после начала. Вместе закрыли и поставили водосток. Хочешь точнее — допиши.

Андрей почувствовал знакомое желание уступить формулировку ради тишины. Потом открыл чат и написал: «Вместе закрыли скат новой доской и покрытием, установили жёлоб. Выбор материала, закупка и подготовка — Олег».

— Теперь похоже, — сказал Олег.

Это не было благодарностью, но и упрёком не было.

Они сели за стол. Три стороны заняли Андрей, Олег и Татьяна; Игорь устроился на складном стуле между ними. На столе стояли разные кружки, две солонки и банка с зелёным луком. Круглая столешница никому не давала сесть во главе, однако каждый год они умудрялись спорить, чья сторона теснее.

— Материалы из общих денег? — спросила Татьяна.

— Общих денег нет, — ответил Олег. — Я заплатил.

— Тогда до оценки делим текущий необходимый ремонт пополам между собственниками? — спросил Андрей. — Моя половина девять триста двадцать.

— Почему пополам, если пользуемся втроём? — сказала Татьяна.

— Потому что дом принадлежит нам с Олегом.

— А крыша течёт и на мои банки.

— Вот поэтому надо определить не только собственность, но и пользование.

Олег взял огурец.

— За эту крышу с Тани денег не беру. Она весной платила за насос и ещё не выбрала воду на свою сумму.

— Воду на сумму? — переспросил Игорь.

— Это шутка, — сказала Татьяна. — Неудачная.

Олег кивнул.

— Неудачная. За насос её половина записана. Текущий ремонт дома — собственникам. Если договоримся, что Таня пользуется домом постоянно, тогда дальше решим иначе.

Андрей достал телефон и перевёл брату девять тысяч триста двадцать рублей. Приложение спросило назначение. Он написал: «Половина материалов для крыши веранды».

— Пришло, — сказал Олег.

— Запиши.

— Уже.

Он достал тетрадь, вписал дату и сумму, рядом поставил «А». Потом впервые протянул ручку Андрею.

— Распишись, что видел чек и согласен с текущим ремонтом.

— Мы теперь каждый гвоздь подписывать будем?

— Нет. Только то, что потом будем учитывать.

Андрей расписался. Его подпись легла поперёк клетки и задела край приклеенного чека.

— Оценщика всё равно позовём, — сказал он.

— Зови.

— Не я один. Выберем вместе.

— Выбирайте. Мне нужен человек, который отделит ремонт от обычного содержания. Я не собираюсь требовать новую цену за доску, которая сгнила.

Андрей посмотрел на чёрные обломки рубероида у забора. Утром ему казалось, что тетрадь Олега — оружие, заранее собранное против семьи. Теперь он видел в ней и другое: брат записывал не только удачные траты, но и собственные ошибки, чужие деньги, дни без суммы. Тетрадь не решала, кому принадлежит лето, яблоня или память. Но без неё было слишком легко назвать пятнадцать лет просто братовой привычкой командовать.

После еды Олег стал собирать инструменты. Каждый возвращал на своё место, протирал ветошью и проверял заряд аккумуляторов. Андрей свернул плёнку со старой кровлей.

— Куда это?

— На площадку у правления. В контейнер нельзя, строительный мусор вывозят отдельно по воскресеньям.

— Отвезу завтра.

Олег поднял глаза.

— Точно?

— Во сколько принимают?

— С девяти до двенадцати. Плёнку не разворачивать. Там гвозди.

— Запишу.

— В чат не обязательно.

— А я не для чата.

Андрей поставил напоминание на восемь утра. Затем прошёл в бывшую комнату Марины. Между коробкой с ёлочными игрушками и сложенными стульями оставался узкий проход к окну. На подоконнике лежала её детская деревянная линейка с выжженным именем. Он взял её, но не стал перекладывать в карман. Сфотографировал и отправил дочери.

«Нашёл в твоей комнате. Оставить здесь или привезти?»

Марина ответила через несколько минут.

«Привези. И почему ты называешь её моей, если там склад?»

Андрей сел на край раскладушки.

«Потому что привык так говорить. Ты права: сейчас это не комната. В следующие выходные начнём освобождать. Твои вещи без тебя не выбрасываем. Общие разберём вместе».

Он хотел добавить, что помог Олегу с крышей и уже оплатил половину. Удалил эту фразу. Она превращала обычное участие в доказательство, предъявленное дочери.

«Я смогу приехать не раньше чем через две недели», — написала Марина.

«Тогда до твоего приезда только составим список и освободим проход».

После отправки он вынес линейку на веранду и положил рядом со своими ключами, чтобы не забыть.

Олег застегнул фургон. На крыше новый скат был темнее остального дома и казался слишком ровным рядом с облупленной рамой.

— Красить потолок пока не надо, — сказал он. — Пусть пятно высохнет. Через неделю проверишь.

— Проверю.

— Если будет мягкое — снимать две доски изнутри.

— Покажешь какие?

Олег посмотрел на него, потом вернулся к фургону, достал карандаш и отметил на потолке две маленькие черты.

— Между ними. Но сначала позвони. Потолок вдвоём удобнее.

— Позвоню не чтобы ты сделал. Чтобы сделал со мной.

— Это выясним, когда позвонишь.

Олег сел за руль и уехал. Татьяна с Игорем остались до вечера поливать грядки. Андрей мог поехать следом, но достал из сарая щётку и очистил жёлоб над задней стеной, который не относился к сегодняшнему ремонту. В нём лежали прошлогодние листья, две яблоневые веточки и серый ком земли. На дне под грязью обнаружилась рыжая точка ржавчины.

Он сфотографировал её не для общего чата, а себе. В блокноте, под пятничной записью «иметь возможность приезжать», написал: «Задний жёлоб — зачистить ржавчину, узнать покрытие у Олега. Веранда — проверить пятно через неделю. Мусор — воскресенье до двенадцати».

Список не доказывал его право на дачу. Не возвращал пропущенных лет и не уравнивал его с братом. Он только назначал три ближайших дела, за которые теперь нельзя было отвечать словом «посмотрим».

Глава 5. Дочь без комнаты

Линейку отец привёз во вторник в бумажном пакете из библиотеки.

Марина встретила его у метро после работы. Андрей протянул пакет так бережно, словно внутри лежала не деревянная полоска с выжженным именем, а стекло.

— Можно было положить в карман, — сказала она.

— Там край отколот.

— Он был отколот ещё в школе.

Они стояли возле киоска с выпечкой. Люди обходили их с двух сторон, и пакет при каждом толчке прижимался к Андрею. Марина предложила зайти в кафе, но отец посмотрел на очередь и сказал, что успеет выпить чай дома. Она поняла: он привёз линейку не ради встречи. Ему нужно было передать предмет и убедиться, что исполнил обещание.

— Крышу сделали? — спросила она.

— Сделали. Олег закупил материал, я оплатил половину. Теперь слежу за верандой и водостоком.

— Поздравляю с должностью.

— Я не так хотел сказать.

— А как?

— Я решил не только пользоваться, но и отвечать за часть работы.

Марина вынула линейку. На обороте осталась синяя черта от фломастера и четыре насечки, которыми она в тринадцать лет отмечала рост рассады. Тогда ей поручили два помидорных куста. Один засох, второй дал три маленьких плода. Бабушка всё лето называла их Марининым урожаем, хотя поливала сама.

— Спасибо, что привёз.

— Я хотел спросить про комнату.

— Ты уже написал, что до меня вещи не тронете.

— Проход освободим. Там стулья, коробки, банки. Если разделить по владельцам, будет проще.

— Проще кому?

Андрей посмотрел на часы над входом в метро.

— Всем. Ты приедешь и решишь по своим вещам.

— Пап, там моих вещей одна полка и эта линейка. Комната не стала складом из-за меня.

— Я знаю.

— Тогда почему мне надо приезжать и решать?

— Потому что ты сказала ничего не выбрасывать без тебя.

— Моё не выбрасывать. А не назначать меня хозяйкой общего хлама.

Отец сложил пустой пакет вчетверо. Он всегда складывал пакеты: сначала разглаживал, потом подгибал ручки внутрь. Марина в детстве думала, что это особая бережливость, пока не поняла, что так он выигрывает несколько секунд перед ответом.

— Хорошо, — сказал он. — Разберём общее сами.

— Кто — сами?

— Я, Олег, Таня.

— Все в один день?

— Постараемся.

— Не «постараемся». Если дядя Олег унесёт инструменты, Таня — банки, а ты книги и бумаги, проход освободится. Для этого я не нужна.

— Там ещё старое кресло.

— Чьё?

— Ничьё. Мамино было.

— Значит, ваше с Олегом.

Андрей убрал пакет в сумку.

— Ты говоришь так, будто хочешь, чтобы комнаты вообще не было.

— Я хочу, чтобы вы перестали называть её моей, когда вам это удобно. Если она моя — не складывайте туда общее. Если общая — не говорите, что держите её для меня.

У светофора загорелся зелёный, и часть людей от метро хлынула к переходу. Андрей отступил ближе к киоску.

— Ты сможешь приехать в следующие выходные?

— Я сказала: через две недели.

— Просто в субботу у Тани семья будет, Олег тоже приедет. Можно было бы сразу договориться.

— У меня проект сдаётся в понедельник.

— На несколько часов.

— Нет.

Он кивнул. Слишком быстро, как человек, который уже приготовил следующую просьбу.

— Тогда мы только освободим проход. А когда приедешь, может быть, одну ночь потерпишь на раскладушке? Пока всё не разберём.

Марина засмеялась. Смех вышел коротким и неприятным.

— Вот зачем ты привёз линейку.

— При чём здесь линейка?

— Хотел показать, что комната моя. А спать мне опять нигде.

— Есть раскладушка.

— В проходе между чужими коробками.

— Один раз, Марин. Чтобы не устраивать скандал из-за вещей.

Она спрятала линейку обратно в пакет, который он уже убрал, и осталась держать её в руке.

— Скандал устраивают не вещи. Вы пятнадцать лет занимаете место понемногу, а потом просите меня один раз потерпеть. Каждый раз один.

— Я не прошу отказаться от комнаты.

— Ты просишь вести себя так, будто я уже отказалась.

Андрей оглянулся на вход в метро, словно разговор задерживал не дочь, а расписание поездов.

— Хорошо. Я понял.

— Что именно?

— До твоего приезда комната должна быть свободна.

— Не должна. Вы можете сказать, что это больше не моя комната. Только скажите прямо.

— Я не хочу так говорить.

— Тогда сделай так, чтобы это не было неправдой.

Марина попрощалась и спустилась в метро. На эскалаторе она увидела отца наверху: он всё ещё стоял у киоска, держа сложенный пакет в руке. Линейка осталась у неё.

В архитектурном бюро занимались реконструкцией бывшего общежития. Заказчик хотел сделать небольшие квартиры, сохранив несущие стены и лестницы. Марина третью неделю расставляла кухни, санузлы и шкафы в комнатах, которые когда-то были рассчитаны на две кровати и общий коридор.

В среду руководитель проекта вызвал её к большому экрану.

— В двадцать седьмой квартире шкаф перекрывает открывание окна, — сказал Глеб.

— Если уменьшить шкаф, не пройдёт норма хранения.

— Чья норма?

— Из задания заказчика. Три погонных метра.

— А жить там кто будет?

— Один человек или пара.

— Им важнее открыть окно или выполнить нашу строку про шкаф?

Марина увеличила план. Створка действительно упиралась в боковую панель.

— Можно сделать шкаф глубиной сорок пять.

— Можно. Но одежда на обычной вешалке не войдёт.

— Тогда два сорок хранения.

— Заказчик спросит, куда делись шестьдесят сантиметров.

— Скажем: в возможность открыть окно.

Глеб улыбнулся.

— Вот и подпиши на схеме, чтобы потом никто не вернул шкаф тайком.

Марина поставила выноску: «Глубину и длину шкафа не увеличивать: обеспечить открытие створки». Формулировка была сухой, зато защищала воздух от будущей полки.

После обеда отец прислал в семейный чат фотографию комнаты. Склад выглядел хуже, чем Марина помнила. На раскладушке лежали свёрнутые ковры, под ней стояли банки, возле окна громоздились стулья. На стене над всем этим висела выцветшая карта мира, которую ей подарили в восьмом классе.

«Предлагаю в субботу разнести вещи по владельцам. Маринины не трогаем. Кресло и ничьи вещи обсуждаем отдельно».

Олег ответил: «Мой инструмент в сарай перенесу. Материал после крыши тоже».

Татьяна написала: «Банки заберу на веранду, но там нет места».

Через минуту добавила: «И половина пустые, можно выбросить».

Андрей: «Какие именно, решаешь ты».

Марина прочла переписку дважды. Отец явно старался не обещать за других. Но итог оставался прежним: банки перемещались с одного общего места на другое, инструменты — в сарай, уже занятый общим, а «ничьи вещи» ждали обсуждения. Комната освобождалась только на время её приезда, как стол перед гостем.

Она открыла фотографию и стала отмечать предметы на планшете разными цветами. Красным — Олеговы, зелёным — Татьянины, синим — отцовы, серым — неизвестные. Потом остановилась. Она снова выполняла за них работу, потому что умела читать пространство.

«Мне важно не только где я буду спать через две недели», — написала Марина. «Нужно решить, это закреплённое за мной место или общий склад, который освобождают по запросу. Оба варианта возможны, но не одновременно».

Олег ответил первым: «Закреплять комнату за человеком, который приезжает раз в год, несправедливо».

Татьяна: «Но мы всегда называли её Марининой».

Олег: «Называли. Пользовались все».

Андрей долго печатал. Появлялись и исчезали три точки.

«Предлагаю сохранить за Мариной комнату до общего решения по дому. Общие вещи туда больше не ставить».

Марина набрала: «Ты опять предложил решение за меня». Стерла. Отец предлагал семье, а не соглашался от её имени. Разница была небольшой, но существовала.

«Я не прошу закреплять её навсегда», — написала она. «До общего решения согласна, если это настоящее правило для всех. После решения сама скажу, нужно ли мне место».

Олег поставил знак вопроса к словам «настоящее правило».

Марина ответила: «Если туда нельзя поставить коробку даже на неделю без моего согласия».

«Тогда и ты не храни там вещи, которыми не пользуешься», — написал Олег.

Это было справедливо. На верхней полке шкафа лежали её школьные тетради, старые журналы и сломанный фотоаппарат.

«Согласна. Разберу в свой приезд».

Андрей написал: «Фиксирую до общего решения».

Марина положила телефон экраном вниз. Ей хотелось почувствовать победу, но вместо неё пришло неудобство. Комната на даче была маленькой, душной, с окном на соседский забор. В двадцать семь лет она не мечтала провести там лето. Получалось, она спорила за место, которое, возможно, сразу освободит. Но отказаться можно было только после того, как её право перестанут считать пустым из-за редких приездов.

В субботу она работала в бюро одна. Проект нужно было отдать в понедельник, и отказ ехать на дачу был не предложением. К полудню пришла уборщица, удивилась включённому свету и спросила, не закрыть ли переговорную. Марина ответила, что закрывает сама.

Отец присылал фотографии по одной. Пустые банки в мешке. Инструменты в пластиковых ящиках. Стулья на веранде. Кресло вынесли под яблоню; на сиденье обнаружилось бурое пятно и продавленная пружина. Под коврами лежала коробка с книгами.

«Твои?» — спросил отец.

На снимке были школьные хрестоматии, атлас, четыре детских детектива и толстый том сказок без корешка.

«Сказки мои. Остальное не знаю».

«Олег говорит, его сыновья не читали».

«Это не делает книги моими».

Через пять минут пришло: «Таня узнала атлас, он Игоря. Остальное временно ставлю на веранде до решения».

Марина приблизила фотографию сказок. Книга когда-то принадлежала матери. На первой странице могло быть её имя, но снимок был сделан сверху, обложка закрыта.

«Открой сказки, пожалуйста. Сфотографируй форзац».

Отец прислал размытый снимок. На жёлтой бумаге синими чернилами было написано: «Лене Крыловой в день рождения. 1985».

Мать умерла семь лет назад. После похорон Андрей отдал Марине две коробки её одежды и папку с документами, а остальные вещи разбирали постепенно. «Постепенно» оказалось удобным словом для того, что не завершилось до сих пор.

«Привези книгу», — написала Марина.

«Хорошо».

Потом добавила: «Не потому, что она лежала в моей комнате. Потому что мамина».

Ответа не было минут десять.

«Понял».

К четырём Андрей прислал общий вид. Пол был виден целиком. Раскладушку поставили к стене, ковры убрали, на столе осталась одна коробка с Мариниными вещами. Кресло исчезло.

«Куда кресло?» — спросила она.

Олег ответил в общем чате: «Разобрал. Дерево в сухие отходы, ткань и пружины на площадку. Восстанавливать дорожку нового».

Марина почувствовала обиду прежде, чем успела понять причину. Кресло не было ей нужно. Она никогда не просила его сохранить. Но ещё утром оно относилось к «ничьим вещам, которые обсуждаем отдельно».

«Кто решил?»

Олег: «Я. Оно сломано, с плесенью снизу».

Андрей: «Я согласился. Таня тоже».

«Вы обсуждали втроём, пока меня не было».

Олег: «Это кресло бабушки и деда, а не твоё».

Марина набрала ответ, но отец позвонил раньше.

— Ты работаешь? — спросил он.

— Уже нет.

— Мы не хотели тебя дёргать из-за каждого предмета.

— Тогда зачем присылали каждую банку?

— Чтобы ты видела, что происходит.

— Видеть после решения — не участвовать.

— Но кресло действительно сгнило. Олег снизу показал плесень. Его нельзя было заносить обратно.

— Можно было поставить фотографию и спросить.

— И ждать до вечера?

— Почему до вечера? Я отвечаю.

— Ты могла быть на встрече.

— Тогда написали бы срок. «До шести ждём, потом разбираем». Это и есть правило.

Отец помолчал.

— Я думал, твоя граница — твои вещи.

— Моя граница — не делать вид, что я участвую, если решения всё равно принимаете вы.

— Мы не можем согласовывать с тобой весь мусор.

— Не можете. Тогда не называйте это общим разбором четырёх людей. Вы трое разобрали комнату, а я получила фотографии.

— Ты сама не приехала.

Фраза прозвучала ровно. Наверное, отец не собирался обвинять её. Но из всех возможных доводов выбрал именно отсутствие.

— Потому что работаю, — сказала Марина. — И предупредила заранее.

— Я знаю. Просто на расстоянии невозможно решать каждую мелочь.

— Возможно. У вас в библиотеке тоже выбрасывают книги, если человек не стоит рядом?

— Это другое.

— Конечно. Книгам вы даёте коробку «сомнительное».

Андрей выдохнул в трубку.

— Что ты предлагаешь сейчас? Склеить кресло обратно невозможно.

— Ничего. Сейчас уже ничего. Я говорю про следующий предмет.

— Хорошо. Следующий спорный предмет фотографируем и указываем время ответа.

— Не только мне. Всем, кого касается.

— Всем.

Марина открыла рабочий файл. На экране оставалась надпись про окно и шкаф.

— Пап, мне не нужно, чтобы вы сохраняли каждую сломанную вещь. Мне нужно знать, когда моё «нет» действительно может что-то остановить.

— А если твоё «нет» мешает пользоваться комнатой?

— Тогда вы говорите цену. Например: кресло нельзя оставить внутри из-за плесени; до шести выбираем — вывозить, хранить под навесом или ремонтировать. Если я хочу четвёртый вариант, я сама должна его обеспечить.

— Ты сейчас как проект объясняешь.

— Потому что словами «по-семейному» вы уже всё объяснили. Получился склад.

Он не обиделся, по крайней мере не сразу.

— До общего решения комната свободна от чужих вещей, — сказал Андрей. — Твоя коробка и раскладушка. Олег согласился, Таня согласилась. Замок ставить не будем.

— Я не просила замок.

— Я знаю. Просто уточняю.

— И мои вещи я разбираю через неделю. Что не заберу или не оставлю по договорённости, не хранится автоматически.

— Запишу.

— Не надо всё записывать как секретарь.

— А как?

Марина посмотрела на план маленькой квартиры. Если примечание не поставить, следующий человек вернёт шкаф к требуемой длине и снова перекроет окно. Память о разговоре не считалась частью проекта.

— Запиши, — сказала она. — Только пришли всем, а не себе в блокнот.

После звонка в семейном чате появилось сообщение Андрея: «Правило спорных вещей: фото, варианты, кого касается, срок ответа. Если сохранение требует места или денег, предложивший сохранение берёт это на себя. До общего решения комната закреплена за Мариной без хранения чужих вещей. Марина разбирает своё в следующий приезд».

Олег ответил: «Подходит. Но если опасно или портит дом, убираем сразу».

Марина: «Убираем из дома сразу. Выбрасываем после фото и срока, если нет срочной опасности».

Татьяна: «Кресло правда было страшное. Но правило хорошее».

Олег поставил знак согласия.

В понедельник проект общежития приняли с шестью замечаниями. Ни одно не касалось двадцать седьмой квартиры. Заказчик спросил, почему уменьшили шкаф, Глеб показал выноску про окно, и вопрос закрыли за минуту.

Вечером Марина развернула бумажный пакет на кухонном столе. Поставила линейку рядом с рулеткой, которой пользовалась дома. Деревянная была короче на два миллиметра: край действительно откололся. Она провела пальцем по имени. Буквы выжигал дед, медленно и слишком глубоко. После буквы «р» осталось тёмное пятно, похожее на запятую.

Отец приехал со сказками в девять. На этот раз книга была завернута в чистую наволочку.

— Пакетам ты больше не доверяешь? — спросила Марина.

— Обложка осыпается.

Она пустила его на кухню. Андрей сел у стола, но куртку не снял. Марина открыла книгу на надписи матери.

— Ты помнишь, кто подарил?

— Тётя Валя, кажется. Или школьная подруга.

— То есть не помнишь.

— Не помню.

Раньше он придумал бы наиболее вероятный ответ и произнёс уверенно. Теперь оставил незнание как есть.

— Про кресло я неправильно сделал, — сказал Андрей. — Не потому, что его надо было сохранять. Потому, что сначала назвал решение общим, а потом решил с теми, кто оказался рядом.

— Да.

— Но ты тоже не можешь участвовать только запретами из города.

Марина закрыла книгу.

— Я не собираюсь.

— Тогда что ты хочешь от дачи? Не от комнаты. От дачи.

Она могла повторить, что хочет отказаться от будущей доли и не связывать себя этим местом. Но юридической доли у неё пока не было. Был отец, живой собственник, который однажды умрёт и оставит после себя половину дома, если ничего не изменит. Когда мужчины говорили о её «доле», они превращали будущее наследство в фишку для нынешнего торга.

— Сейчас я хочу право приезжать к вам, а не обслуживать дом, — сказала Марина. — И право не приезжать без того, чтобы моё отсутствие считалось согласием.

— А после?

— После чего?

— Когда мы оформим порядок. Когда меня не станет.

— Не покупай мир своим завещанием, пожалуйста.

Андрей вздрогнул.

— Я не покупаю.

— Тогда не решай сейчас, что мне понадобится после твоей смерти. Я сама могу написать отказ, продать, пользоваться, договориться с детьми дяди Олега. Но это будет потом.

— Олег хочет определённости сейчас.

— Пусть получает определённость про твою собственность и свою. Я не ваша третья подпись.

Отец провёл ладонью по колену, разглаживая ткань брюк.

— Если мы закрепим за тобой комнату, это будет влиять на всех сейчас.

— Поэтому я согласилась только до общего решения. Потом комната может стать общей или Олеговой, если вы так договоритесь. Мне важно самой отказаться, а не обнаружить, что редкие приезды уже всё решили.

Андрей кивнул.

— Я понял разницу.

— Ты уже говорил это у метро.

— Тогда не понял.

Он произнёс это без оправдания, и Марина не нашла, что ответить.

Перед уходом Андрей вынул из сумки лист бумаги. На нём был от руки нарисован прямоугольник комнаты. Внутри — раскладушка, шкаф, стол и окно. Кресла не было. У двери он поставил размеры свободного прохода.

— Это зачем? — спросила Марина.

— Хотел показать, что место освободили.

— Можно было фотографией.

— На фотографии угол не видно.

Она взяла лист. Размеры отец снял обычной рулеткой и записал не очень ровно, но всё сходилось. Между раскладушкой и столом оставалось семьдесят восемь сантиметров. Окно открывалось полностью.

— Шкаф можно передвинуть на пять сантиметров, — сказала Марина. — Тогда дверь не будет задевать ручку.

— Передвинем, когда приедешь.

— Не надо ждать. Передвиньте вдвоём, только выньте ящики.

— Это твоё решение?

— Это совет архитектора.

Андрей улыбнулся.

— За совет платить?

— Освободи подоконник. Будем в расчёте.

Когда он ушёл, Марина прикрепила план магнитом к холодильнику. Рядом лежали линейка и материнские сказки. Три предмета могли показаться доказательством того, что комната принадлежит ей. На самом деле ни один ничего не доказывал. Правило держалось не на них, а на готовности остальных не поставить завтра в свободный угол новую коробку.

Глава 6. Третий стол

Татьяна приехала в субботу раньше всех и привезла складной стол.

Он лежал на багажнике старого универсала, перевязанный бельевой верёвкой. Ножки были сняты и засунуты в салон между сумкой с продуктами и ящиком рассады. Игорь развязывал узел, стоя на пороге машины, а Татьяна держала конец верёвки так крепко, будто стол мог сбежать.

Андрей открыл калитку и не сразу понял, зачем им ещё один.

Под яблоней стоял длинный общий стол, собранный отцом из половых досок. На веранде помещался маленький кухонный. Возле сарая Олег держал верстак, за которым иногда ели, когда двор занимали гости. Любая ровная поверхность на шести сотках рано или поздно становилась столом.

— Куда его? — спросил Андрей.

— Пока к забору, — сказала Татьяна. — Потом решим.

— Что решим?

Она отпустила верёвку и посмотрела на стол под яблоней. На нём уже стояла Олегова банка с гвоздями и лежал моток провода. Два стула были перевернуты сиденьями вниз: вчера прошёл дождь.

— Где мы сегодня будем обедать.

— За обычным столом.

— Олег написал, что к нему приедут Лена с мальчишками. Вас двое. Нас с Игорем двое. За обычным столом восемь человек не сядут.

— Сядут. Мы раньше и больше помещались.

— Раньше я половину обеда носила из дома и садилась последней.

Игорь снял стол с багажника. Он был легче, чем выглядел: алюминиевые ножки, белая пластиковая столешница с серой трещиной у края. Такие столы ставили на рынках под носки и дешёвые батарейки. На даче рядом с тёмными досками отцовского стола он казался временным, хотя Татьяна, судя по потёртым углам, пользовалась им не первый год.

— Я поставлю у смородины, — сказал Игорь. — Там ровнее.

— У смородины Олег машину разгружает, — ответил Андрей.

— Сегодня уже разгрузил?

— Нет.

— Значит, стол пока не мешает.

Игорь произнёс это спокойно, без вызова. Он вообще редко спорил на даче. Делал то, о чём просила Татьяна, чинил мелочи, собирал ягоды, а в разговорах братьев начинал смотреть на небо, словно проверял, не соберётся ли дождь. Андрей считал это деликатностью. Теперь подумал, что Игорь просто давно понял: его слово здесь ничего не меняет.

Они поставили стол у смородины. Татьяна протёрла столешницу мокрой тряпкой, положила на ней хлеб, огурцы и кастрюлю, завернутую в полотенце. Ящик с рассадой оставила у крыльца.

— Это что? — спросил Андрей.

— Поздняя капуста. На место редиски.

— Мы же договорились ничего нового не сажать до схемы.

— Договорились деревья не трогать и забор не двигать.

— Марина на плане отметила фактическое пользование. Если сейчас всё пересаживать, какой смысл?

Татьяна выпрямилась. В руке у неё осталась тряпка, с которой капала вода.

— Андрей, редиску убрали. Земля пустая. Капуста вырастет к осени. Схему вы раньше осени не подпишете.

— Всё равно надо спросить.

— Я сейчас спрашиваю.

Он посмотрел на узкую грядку вдоль сетчатого забора. Татьяна устраивала её каждую весну, сколько он помнил. Менялись только культуры: лук, морковь, фасоль, редиска. Земля считалась общей, но никто, кроме неё, не вставал над этой грядкой на колени и не выбирал корни пырея.

— Я не против, — сказал Андрей. — Олега дождётся.

— Почему Олег должен разрешать мне капусту?

— Потому что участок его наполовину.

— А твой наполовину?

— Да.

— Ты разрешил?

— Я сказал, что не против.

— Значит, половина капусты уже законная.

Она улыбнулась, но глаза остались серьёзными. Андрей хотел объяснить, что так собственность не работает, однако сам не знал, как именно она работает для двенадцати саженцев в пластиковых стаканчиках.

Олег приехал через двадцать минут. Из машины вышли Лена и двое сыновей, оба уже выше матери. Старший, Денис, учился в колледже, младший, Антон, заканчивал девятый класс. Андрей всё ещё мысленно называл их мальчишками, хотя Денис носил бороду и поздоровался басом.

Олег увидел белый стол прежде, чем закрыл машину.

— Это на выброс? — спросил он.

— Это для обеда, — сказала Татьяна.

— Нашего мало?

— Нашего на всех мало.

— Приставим верстак.

— На нём тиски и масло.

— Масло вытру.

— А тиски снимешь, когда суп остынет?

Олег поставил пакеты на землю.

— Таня, чего ты с утра начинаешь?

— Я с утра привезла место для четверых. Начинаешь ты.

Лена взяла один пакет и молча понесла к дому. Денис последовал за ней. Антон задержался возле ящика с рассадой, прочёл надпись на одном стаканчике и спросил, что такое «Слава».

— Капуста, — ответила Татьяна.

— Поздняя?

— Средняя.

— А зачем подписывать каждую?

— Чтобы не верить продавцу на слово.

Олег наклонился к ящику.

— Куда сажать собралась?

— После редиски.

— Мы договорились подождать.

— Вот и Андрей так сказал. Покажите, где это записано.

Андрей достал телефон. В семейном чате было правило о спорных вещах, сообщение про комнату, фотографии кресла, длинное обсуждение веранды. Про посадки они говорили устно, стоя возле колодца. Андрей помнил слова Павла: пока идёт съёмка, не ставить новых построек и не переносить забор. Олег тогда добавил: «И ничего не сажаем». Татьяна промолчала. Все приняли молчание за согласие.

— Не записано, — сказал Андрей.

— Потому что вы решили вдвоём, — ответила она.

— Ты стояла рядом.

— Я держала ведро и ждала, когда вы закончите говорить про линию через мою грядку.

— Можно было возразить.

— Можно было спросить.

Олег фыркнул и понёс сумку к крыльцу.

— Сажай свою капусту. Только потом не говори, что из-за неё нельзя пройти.

— Я никогда так не говорила.

— Про смородину говорила.

— Потому что ты поставил на неё лестницу.

— Рядом.

— Две ветки сломал.

Спор мог продолжаться до обеда. Андрей увидел, как Игорь уже унёс лопату к грядке, будто решение принято. Белый стол стоял поперёк привычного пути от калитки к сараю. Чтобы пройти с большой сумкой, приходилось обогнуть смородину.

— Давайте сначала поймём, что сегодня кому нужно, — сказал Андрей.

Олег остановился на нижней ступеньке.

— Мне нужны доски в сарай убрать, водосток проверить и поесть без собрания.

— Мне посадить капусту, набрать воды и накормить людей, — сказала Татьяна.

— Мне разгрузиться, — сказала Лена из двери. — И желательно не быть записанной в четвертую семью. Я с Олегом.

Антон засмеялся. Напряжение чуть ослабло.

Андрей назвал в уме свою работу: прочистить водосток, как обещал, сфотографировать показания счётчика, отвезти в библиотеку коробку старых журналов, которые нашлись под раскладушкой. Но это снова были обязанности. В пятницу он написал семье, что хочет пользоваться дачей лично. Сегодня он привёз складное кресло и книгу, намереваясь час посидеть под яблоней после работы. Кресло лежало в багажнике, а сказать о нём вслух казалось неловко.

— Я прочищу водосток, — сказал он. — Потом хочу два часа посидеть здесь. Не работать.

Олег обернулся.

— Это теперь тоже в расписание?

— Нет. Просто ты спросил, что кому нужно.

— Я не спрашивал.

— Я спросила, — сказала Татьяна. — И мне нравится. Хоть один из нас признался, что приехал не только заслуживать право на обед.

Олег махнул рукой и ушёл в дом.

Капусту решили посадить. Андрей сфотографировал пустую грядку и написал в чат, хотя Марина работала и не участвовала в сегодняшнем разговоре: «Татьяна высаживает двенадцать кустов на своей обычной грядке после редиски. Это сезонная посадка, не основание закреплять землю». Последнюю фразу он добавил после того, как Олег заглянул через плечо.

Татьяна прочитала сообщение на своём телефоне.

— На своей обычной грядке, но не основание закреплять землю, — повторила она. — Хорошо звучит. Как будто капуста пытается захватить участок.

— Нам надо различать привычку и право.

— Кому надо?

— Всем.

— Мне сорок лет говорили, что я здесь своя. Теперь выясняется, что это привычка.

Она взяла ящик и пошла к забору. Игорь уже натянул шнур между двумя колышками. Татьяна стала вынимать рассаду, сжимая стаканчики, чтобы земля вышла целиком. Андрей хотел помочь, но не знал, будет ли это воспринято как поддержка или как попытка скорее закончить неудобную сцену.

Он полез на крышу веранды.

В желобе застряли прошлогодние листья и комки тёмной земли. Андрей выгребал их совком в ведро. С высоты участок выглядел меньше, чем снизу. Дом занимал середину, дорожки расходились к калитке, колодцу, туалету и сараю. Между ними оставались лоскуты земли, у каждого давно было назначение. Олег сушил доски у глухой стены. Татьяна держала грядки вдоль забора. Андрей ставил машину под рябиной, хотя сегодня приехал автобусом. Никто не подписывал эти места. Нарушение замечали сразу.

Татьяна и Игорь двигались вдоль шнура. Он делал лунки, она наливала воду из синей лейки и опускала рассаду. Антон помогал, пока Олег не позвал его таскать доски. Лена мыла на веранде миски. Денис возился с телефоном на ступеньке.

Белый стол пришлось переставить: Олег трижды прошёл мимо с досками и на четвёртый раз задел угол. Стол качнулся, кастрюля под полотенцем сдвинулась.

— Убери с прохода, — сказал он.

— Куда? — спросила Татьяна.

— К яблоне.

— Там ваш стол.

— Поставь рядом.

— Тогда ветка мешает.

— Отпилю ветку.

— Не отпилишь.

Андрей сидел на краю крыши и видел решение: повернуть белый стол на девяносто градусов и поставить одним концом к старому. Получится буква «Г», проход освободится, ветку трогать не придётся. Но когда он спустился и предложил, Олег сказал, что тогда нельзя будет открыть дверцу верстака.

— Во время обеда тебе нужна дверца? — спросила Лена.

— Мне она вообще нужна. Если поставят стол, потом не уберут.

— Мы привезли складной, — сказала Татьяна. — Он складывается.

— Тогда сложи до обеда.

Татьяна сняла полотенце с кастрюли. Внутри была окрошка, и крышка запотела.

— До обеда осталось полчаса.

Олег взялся за край стола. Татьяна положила ладонь на столешницу с другой стороны.

— Не трогай.

— Я на два метра.

— Сначала скажи куда.

— Таня, это стол.

— Именно. Стол, за которым мы сегодня должны сесть. Не моя банка, которую можно переставить на веранду. Не грядка, которую можно обойти. Я хочу знать, где будет наше место до того, как вы всё расставите.

Олег отпустил край.

— Ваше место? Мы все за одним садимся.

— За одним садятся те, кому хватило стульев. Остальные приносят табуретки, тарелки и еду, а потом слышат: «Наш стол».

- Отец делал его для всех.
- Отец делал. Твоя мать красила. Я шкурила доски.
- Тебе было двенадцать.
- Тринадцать. У меня потом занозы неделю выходили.
- И поэтому тебе принадлежит четверть стола?
- Нет. Поэтому я помню, что слово «наш» раньше включало меня.

Андрей снял перчатки. На белой столешнице оставался след Татьяниной ладони. Игорь стоял у грядки с лопатой и смотрел в их сторону. Денис поднялся со ступеньки. Даже Антон перестал таскать доски.

- Никто тебя не выгоняет, — сказал Андрей.

Татьяна повернулась к нему.

- Я знаю. Вы хуже делаете. Вы оставляете меня, пока я удобна, и называете это добротой.
- Я ничего такого не говорил.
- Вслух не говорил. Вслух вы говорите: дом принадлежит братьям, а привычку и право надо различать. Потом я должна благодарить, что мне разрешили посадить капусту.
- По документам дом действительно наш с Олегом.
- Я не спорю с документами.
- Тогда с чем?
- С тем, что вы достаёте их только против меня. Между собой вы считаете годы ремонта, будущую долю Марины, кто где ставит машину и чей инструмент в сарае. Это всё для вас важно. А у меня есть только бумага, которой нет.

Олег сел на край верстака.

- Чего ты хочешь? Долю?
- Нет.
- Деньги?
- Нет.
- Тогда скажи нормально.

Татьяна обвела рукой участок. Жест получился широкий, но в нём не было желания забрать всё. Скорее она пыталась показать множество мелких мест, ни одно из которых отдельно не объясняло её присутствия.

— Я хочу, чтобы вы не могли однажды решить: теперь приезжаем только двумя семьями. Чтобы моя грядка не исчезла потому, что Олегу понадобилось сложить доски. Чтобы я могла набрать воду и сесть за стол без просьбы. Чтобы мы заранее знали дни, когда всем тесно. И чтобы моя помощь тёте Лене не превратилась теперь в плату за прошлые приезды.

Мать Андрея звали Елена Сергеевна. Только Татьяна называла её тётёй Леной, даже когда самой исполнилось пятьдесят. В последние два года перед смертью Елена Сергеевна почти не приезжала на дачу, зато Татьяна навещала её дома: мыла окна, ходила в поликлинику, готовила еду. Андрей покупал лекарства и приезжал по вторникам. Олег возил по обследованиям и чинил всё, что ломалось. Каждый делал своё. Никто не вёл общей тетради.

- Мама звала тебя сюда, — сказал Андрей.

— Не просто звала. После смерти моих родителей она сказала: приезжай всегда, не спрашивай. Я тогда хотела продать их участок в другом районе. Она сказала, что мне не нужны две дачи, если здесь всё равно мой дом.

- Ты продала тот участок, — сказал Олег.
- Прогдала.
- И деньги оставила себе.
- Конечно. Он принадлежал мне.
- А этот не принадлежит.
- Конечно.

Она отвечала без паузы, не оставляя ему удобного возражения.

— Мамино обещание не могло сделать тебя собственницей, — сказал Андрей.

— Я и не говорю, что сделало. Оно сделало меня человеком, который строил свою жизнь с расчётом на это место. Я не покупала другую дачу. Игорь поставил здесь насос, менял доски на крыльце, возил навоз. Я двадцать лет сажала, закрывала дом осенью, приезжала к вашей матери, когда вы не могли. Не ради доли. Потому что считала себя семьёй. Если обещание умерло вместе с ней, скажите сейчас.

За сеткой соседка в панаме поливала цветы. Она отвернулась слишком старательно, когда Андрей посмотрел в её сторону. На участке стало слышно, как вода в шланге стучит о металлическую лейку.

Олег поднялся.

— Обещание «приезжай» не значит, что мы обязаны навсегда отдать тебе грядку.

— Не значит. А что значит — мы никогда не обсуждали.

— Вот обсуждаем.

— Нет. Ты спрашиваешь, хочу ли я долю или деньги. Как будто других слов нет.

Лена вынесла стопку тарелок и поставила на белый стол.

— Другие слова есть, — сказала она. — Например, порядок пользования.

Олег посмотрел на жену.

— Ты откуда это взяла?

— От вас. Вы две недели только это и говорите.

— Порядок между собственниками.

— А Таня может быть указана как человек, который пользуется с их согласия?

Никто не знал. Андрей подумал о Павле, который сразу предупредил, что занимается измерениями, а не семейным правом. В понедельник нужно было идти к нотариусу по поводу дома и возможного соглашения. Глава следующей недели уже будто существовала в его ежедневнике: «уточнить, что можно закрепить для Татьяны».

— Спросим у нотариуса, — сказал он.

— Вместе, — ответила Татьяна.

— Что вместе?

— Я тоже пойду. Не хочу потом слушать пересказ, что мне разрешили.

Олег потёр переносицу.

— У меня вызовы в понедельник.

— Встреча в шесть. Ты сам выбирал время.

— Постараюсь.

Татьяна покачала головой.

— Тогда не будем обсуждать без тебя. До встречи живём как жили.

— То есть ты сажаешь, ставишь стол, а мы ждём?

— Ты хранишь инструмент, ставишь машину, пилишь доски и тоже ждёшь.

Олег хотел ответить, но Лена протянула ему тарелки.

— Сначала надо поесть. Окрошка нагревается.

Столы поставили буквой «Т»: белый придвинули коротким торцом к середине старого. Верстак остался свободен, проход от калитки сузился, но не закрылся. За старым столом разместились Андрей, Олег, Лена и сыновья. За белым сели Татьяна и Игорь. Два места рядом с ними оставались пустыми.

— Вот тебе и три семьи, — сказал Антон. — Мы как на свадьбе.

— На плохой свадьбе родственников рассаживают дальше, — ответил Денис.

— Садитесь кто куда хочет, — сказала Татьяна. — Я стол не для границы привезла.

Андрей взял свою тарелку и пересел на свободное место к белому столу. Стул качнулся на корне яблони. Он подложил под ножку кусок доски.

— Теперь у нас дома два собственника на одном краю, — сказал Олег. — Это юридически важно?

— Очень, — ответил Андрей. — Передай укроп.

Лена тоже пересела, потому что возле неё солнце пробивалось сквозь листву прямо в тарелку. Потом Антон потянулся за хлебом и остался на углу между столами. Через пять минут рассадка перестала что-либо означать. Люди передавали ложки, соль, квас, двигали миски. Белая столешница прогибалась под кастрюлей, и Игорь подставил снизу запасной брусок.

После обеда Олег нашёл в сарае старую фотографию. Он искал коробку с крепежом, а вынес альбом без обложки. На снимке возле дома стояли Елена Сергеевна, отец братьев, молодая Татьяна и мальчик лет семи — её сын Илья. Игорь держал на плече доску. На заднем плане был тот самый стол, ещё светлый, без навеса и масляных пятен.

— Это когда крыльцо делали, — сказал Игорь.

— Девяносто девятый, — ответила Татьяна. — Илья перед школой.

— В две тысячи первом, — возразил Андрей. — Папа тогда уже купил зелёную рубашку.

— В первом Илья был выше.

Олег перевернул фотографию. На обороте мать написала: «Июнь 2000. Наше новое крыльцо».

— Наше, — прочитал Антон. — Непонятно чьё.

— Тогда всем было понятно, — сказал Андрей.

Татьяна взяла снимок за края.

— Нет. Тогда просто никто не спрашивал.

Она не забрала фотографию, а положила на стол, чтобы Андрей потом убрал её в альбом. Этот жест успокоил его больше, чем должен был. В течение разговора он несколько раз ловил себя на ожидании требования: доли, денег, пожизненного права, расписки от матери. Татьяна не предъявила ничего, что можно было бы удовлетворить одной подписью или отвергнуть выпиской.

После обеда Игорь с Антоном пошли к колодцу. Насос иногда хватал воздух, и Игорь решил проверить соединение. Олег подошёл следом.

— Я в прошлом году шланг менял, — сказал он.

— Шланг хороший. Хомут слабый.

— Я ставил новый.

— На верхнем соединении. Здесь старый.

Игорь лёг на доски у колодца, протянул руку вниз и попросил ключ на восемь. Олег молча принёс набор. Они работали рядом без спора: один держал фонарь, другой затягивал хомут. Через десять минут вода пошла ровно.

— Запиши в тетрадь, — сказал Игорь, вытирая руки.

Олег не понял, шутит он или нет.

— Хомут твой?

— Твой. Работа моя. Вода общая.

— Сколько ставить часов?

— Двенадцать минут. По семейному тарифу.

Олег усмехнулся.

— С таким учётом разоримся.

Он действительно достал тетрадь, но записал только: «Колодец: подтянут нижний хомут, запасной купить». Имя Игоря не указал. Потом задумался и дописал в скобках: «делал Игорь».

Андрей видел это от крыльца. Он сидел в складном кресле с книгой на коленях. За первый час прочёл четыре страницы, потому что всё время отвлекался на голоса и движения. Раньше его раздражало, когда на даче не давали читать. Сегодня он впервые заметил, что сам

следит за участком, будто дежурит: кто открыл калитку, кто взял ведро, куда понесли доски. Никто не назначал его ответственным. Он мог опустить глаза.

Марина позвонила около четырёх.

— Вы там все? — спросила она.

— Все, кроме тебя и Ильи. Даже мальчики приехали.

— Я видела сообщение про капусту. Почему ты написал, что это не основание закреплять землю?

— Олег попросил уточнить.

— Тётя Таня просила?

— Нет.

— Тогда сообщение получилось не про капусту, а про предупреждение ей.

Андрей посмотрел на грядку. Рассада после пересадки лежала, прижав листья к мокрой земле. Татьяна сказала, что к вечеру поднимется.

— Да, — признал он. — Получилось.

— Она хочет землю?

— Нет. Хочет, чтобы её нельзя было просто исключить из дачи.

— А вы собирались?

— Нет.

— Тогда почему нельзя это пообещать?

— Потому что обещание должно значить что-то конкретное. Мама уже обещала «приезжай всегда», а теперь мы не понимаем, что это значит.

Марина помолчала.

— Спроси, чего она боится лишиться первым.

— Она сказала: грядка, вода, стол, дни приезда.

— Это уже конкретно.

— Но если через пять лет нам понадобится продать дом?

— Тогда вы будете обсуждать продажу. Ты сейчас хочешь оставить себе право отменить любое правило, если когда-нибудь станет неудобно.

— Не любое.

— Какое нельзя отменить без неё?

Он не ответил. Марина услышала голоса и попросила дать трубку Татьяне.

Андрей позвал сестру. Та вытерла руки о фартук и отошла с телефоном к грядке. Разговор был коротким. Татьяна сначала говорила тихо, потом засмеялась и посмотрела на белый стол.

— Да, складной, — сказала она. — Нет, не как акт захвата. Хотя Олег считает иначе.

Олег крикнул от сарая, что всё слышит.

Вернув телефон, Татьяна сказала:

— Марина предлагает на встрече не доказывать прошлое, а перечислить, что должно остаться доступным в следующем сезоне. И при каких условиях.

— Разумно, — сказал Андрей.

— Почему ты не мог предложить это сам?

— Потому что думал, что сначала надо решить, какое у тебя право.

— А я сначала хочу понять, на что оно нужно.

Она сняла фартук и повесила на спинку стула. Андрей вспомнил библиотечные коробки. Там тоже сначала пытались решить судьбу каждой книги целиком: оставить или списать. Только после замечания Веры Семёновны научились задавать один конкретный вопрос. С дачей он снова хотел вынести окончательный приговор прежде, чем назвать предмет разговора.

Они разложили на столе лист из школьной тетради. Татьяна писала, Андрей задавал вопросы, Олег поправлял формулировки.

Первое: доступ к участку в согласованные дни без отдельной просьбы перед каждым приездом.

Второе: пользование колодцем, туалетом, кухней и общим столом во время приезда.

Третье: одна грядка вдоль северного забора в пределах нынешнего размера, без новых многолетних посадок до общего решения.

Четвёртое: место для двух ящиков и садового инструмента, но не на веранде и не в Мариной комнате.

Пятое: участие в решениях о вещах и работах, которые затрагивают эти места.

Шестое Татьяна долго не могла сформулировать. Наконец написала: «Не считать помощь платой за допуск».

— Это не для нотариуса, — сказал Олег.

— Это для нас, — ответила она.

— А обязанности? — спросил он. — Только права будут?

Татьяна перевернула лист.

— Пиши.

Они записали воду для полива только после проверки уровня в жару; уборку кухни после своей семьи; заранее сообщать о гостях и ночёвке; не занимать грядками проход; участвовать в общих расходах по фактическому пользованию, если сумма заранее обсуждена; не начинать ремонт без согласия собственников, кроме срочного предотвращения ущерба.

— Последнее про меня тоже, — сказал Олег.

— Про всех, — ответил Андрей.

— Тогда почему написано «собственников»? Я один из них.

— Потому что ремонт может начать Таня или Игорь.

— А я могу?

Андрей взял ручку и изменил строку: «Не начинать несрочный ремонт без согласования со всеми, кого он затронет». Рядом добавил: «Срочное — остановить ущерб, сообщить, расходы подтвердить».

Олег прочитал и кивнул.

— Так лучше.

Лист не был договором. В нём не было срока, адреса, паспортных данных и подписей. Несколько слов могли оказаться юридически бессмысленными. Но впервые Татьянино присутствие описывалось не воспоминанием о материнской фразе и не благодарностью за помощь. Оно состояло из мест, действий и границ.

К вечеру рассада подняла листья. Игорь сложил белый стол, но не унёс к машине.

— Где оставим? — спросил он.

Олег открыл сарай. Внутри вдоль стены стояли его ящики, газонокосилка, два велосипеда, мешки с удобрением и свёрнутый тент.

— Если убрать старые оконные рамы, войдёт сюда, — сказал он.

— Рамы чьи? — спросила Татьяна.

Олег рассмеялся.

— Началось.

— Спорные, — сказал Андрей. — Фотография, варианты, кого касается, срок.

Рамы сфотографировали. Олег считал, что две хорошие можно оставить на ремонт сарая, остальные вывезти. Татьяна предложила срок до среды. Андрей отправил сообщение Марине и Илье, сыну Татьяны. Илья ответил почти сразу: «Мне не нужны». Марина написала, что доверяет решение тем, кто будет ремонтировать сарай, но просит не ставить рамы в её комнату.

Две рамы оставили у задней стены, четыре приготовили к вывозу. Складной стол вошёл между велосипедами и тентом. Для него не появилось отдельной территории, только место, освобождённое общим решением.

У калитки Татьяна отдала Андрею тетрадный лист.

— Возьми к нотариусу.

— Лучше ты возьми. Ты сама будешь говорить.

— Боюсь потерять.

— Сфотографируй.

Она сфотографировала обе стороны и всё равно протянула лист ему.

— Это не вместо меня. Просто у тебя папка.

Андрей положил бумагу в прозрачный файл рядом со схемой участка. Раньше он решил бы, что получил ответственность за вопрос. Теперь это было только место хранения.

Когда машины уехали, он вернулся под яблоню. Старый стол остался сдвинутым на полметра, потому что к нему приставляли белый. На земле виднелись четыре круглых следа от ножек. Андрей мог передвинуть стол обратно, восстановить привычный двор до следующей субботы. Он взялся за край, потом отпустил.

Ему всё ещё хотелось увидеть один правильный порядок: постоянный стол, постоянные дорожки, понятных хозяев. Но сегодняшний обед поместился только после того, как появился третий стол и все несколько раз пересели. Места не стало больше. Просто никто не остался есть стоя.

Глава 7. Устный договор

Нотариальная контора помещалась на первом этаже бывшего детского сада. Над крыльцом сохранился козырёк с выцветшими голубыми облаками, а внутри вместо шкафчиков для одежды стояли кожаные кресла и автомат с водой. На стене висели часы без секундной стрелки. Андрей заметил это через пять минут ожидания и потом всё время проверял, движется ли минутная.

Татьяна пришла первой. Принесла прозрачную папку, хотя тетрадный лист по-прежнему лежал у Андрея.

— Я распечатала фотографию, — объяснила она. — На всякий случай.

В папке были обе стороны листа на отдельных страницах. Увеличенные клетки тетради выглядели как чертёж забора.

— Хорошо получилось, — сказал Андрей.

— Получилось криво. Но читается.

Олег опоздал на семь минут. Вошёл в рабочей куртке, с чёрным чемоданчиком инструментов, который не успел оставить в машине. На вызове в магазине мороженого вышел из строя ларь, и его задержал хозяин.

— Если бы я не починил, к утру можно было всё выбросить, — сказал Олег, словно они требовали оправдания.

— Мы ещё не начали, — ответила Татьяна.

— Вот и отлично.

Секретарь попросила чемоданчик поставить у двери кабинета. Олег отказался: внутри дорогой прибор. Тогда ему разрешили взять его с собой, но попросили не ставить на стол.

Нотариуса звали Галина Викторовна. Она была чуть старше Андрея, говорила негромко и каждый вопрос повторяла своими словами, прежде чем отвечать. На столе у неё лежали только монитор, клавиатура и тонкая папка. Семейные документы братьев уместились в ней без усилия: выписка, свидетельство о наследстве, старый технический план.

— Итак, — сказала она, — собственниками жилого дома и земельного участка являются Андрей Павлович и Олег Павлович, по одной второй доле у каждого. Правильно?

— Правильно, — ответил Олег.

— Татьяна Павловна собственником не является, зарегистрированного права пользования у неё нет. Но фактически она и её семья много лет пользуются участком с согласия прежних и нынешних собственников. Вы хотите понять, можно ли это сохранить письменно.

— И что будет с моими вложениями, — добавил Олег.

Галина Викторовна подняла ладонь.

— Это отдельный вопрос. Он может быть связан с вашим будущим соглашением, но смешивать их не стоит. Если вы сейчас скажете: Татьяна Павловна имеет право пользоваться грядкой, потому что когда-то помогала вашей матери, вы превратите семейную помощь в расчёт. Возможно, никто из вас этого не хочет.

Татьяна быстро посмотрела на Андрея. На листе у неё было написано почти то же самое: не считать помощь платой за допуск.

— Не хотим, — сказала она.

— Тогда начнём с собственности. Доли в праве у братьев равные. Это не означает, что каждый владеет левой или правой половиной дома. У вас обоих есть право на весь объект с учётом такого же права другого собственника. Порядок фактического пользования можно определить соглашением. Если не договоритесь — спор решает суд, но на участке такого размера судебное решение вряд ли создаст удобную жизнь. Оно лишь установит обязательный порядок из возможных.

Олег наклонился к столу.

— А можно закрепить за мной сарай и место для машины?

— Можно описать преимущественное пользование частью помещений и участка, если Андрей Павлович согласен и если это не лишает его возможности пользоваться своей собственностью. Но сначала нужна актуальная схема. Слова «место для машины» должны обозначать конкретное место и не перекрывать общий проход.

— Павел может нанести на план, — сказал Андрей.

— Кадастровый инженер?

— Да. Он уже осматривал участок.

— Хорошо. Только не просите его определить ваши семейные права. Он измеряет и изображает то, о чём вы договорились.

Андрей записал фразу в блокнот. Олег увидел и усмехнулся.

— Нам уже второй человек говорит, что за нас не решит.

— Я могу рассказать о последствиях разных решений, — сказала Галина Викторовна. — Это немало. Но удобное вам расписание суббот я действительно не выберу.

Она повернулась к Татьяне.

— Теперь ваше пользование. Собственники могут предоставить вам его по соглашению. На срок или без определённого срока, безвозмездно либо за установленную плату. Можно предусмотреть, кто несёт текущие расходы, что разрешено делать, за сколько дней сообщать о приезде гостей, как прекратить соглашение. Форму документа и необходимость регистрации нужно определять после того, как станет понятно, какой объём прав вы хотите установить и на какой срок.

— Я не хочу аренду, — сказала Татьяна.

— Почему?

— Потому что это будет выглядеть так, будто я снимаю грядку у двоюродных братьев.

— Внешний вид документа не главное. Важно, какие права и обязанности он создаёт. Но если вы имеете в виду безвозмездное пользование, это можно обсуждать. Я не советую сейчас выбирать название. Сначала перечислите фактические условия.

Татьяна достала распечатки.

— Мы перечислили.

Галина Викторовна прочла обе страницы. На пункте о помощи задержалась, затем отложила листы рядом с папкой.

— Это хорошая основа для разговора. Не готовый документ, но вы назвали предметы: доступ, общие удобства, грядку, хранение, участие в решениях. И обязанности. Не хватает срока, способа прекращения и ответа на вопрос, что происходит, если меняется собственник.

— Как меняется? — спросил Олег.

— Продажа доли, наследование, дарение. Вы хотите решить только отношения между присутствующими или создать более устойчивое право?

Татьяна сложила руки на коленях.

— Я думала до конца жизни.

Олег откинулся на спинку стула.

— Вот. А говорила, что доля не нужна.

— Это не доля.

— Если я не смогу продать без твоей грядки, какая разница?

— Большая, — сказала нотариус. — Собственность и право пользования не одно и то же. Но Олег Павлович правильно замечает практическое последствие: долгосрочное обременение может влиять на возможную продажу и интерес покупателя. Именно поэтому вам нельзя ограничиваться фразой «пусть приезжает всегда».

Татьяна побледнела, но не отвела взгляда.

— Я продала свою дачу после слов их матери. Если они через год продадут эту, я останусь ни с чем.

— У вас были письменные условия продажи вашей дачи или встречное обязательство Елены Сергеевны?

— Нет. Она была моей тётей.

— Я спрашиваю не потому, что не верю. Мне важно отделить нравственное обязательство семьи от доказуемого юридического. Устное обещание могло повлиять на ваше решение. Но по тем документам, которые я вижу, собственником вы не стали.

— Я это понимаю.

— Тогда вопрос к Андрею Павловичу и Олегу Павловичу. Готовы ли вы добровольно дать Татьяне Павловне устойчивое право пользования, которое нельзя будет прекратить по первому вашему желанию?

Андрей услышал, как Олег постукивает пальцем по пластиковой ручке чемоданчика. В кабинете гудел системный блок. За закрытым окном люди проходили под голубыми облаками бывшего детского сада.

— Я готов, — сказал Андрей. — Но хочу понимать условия.

— Я не готов обещать пожизненно, — сказал Олег. — У меня сыновья. Может, им понадобятся деньги. Может, мы через десять лет не потянем дом.

Татьяна кивнула, словно услышала ожидаемое.

— Значит, мамино «всегда» кончилось.

— Не передёргивай. Я не выгоняю тебя. Я не могу подписать на всю жизнь, не зная, что будет с моей семьёй.

— А мне надо знать, что будет хотя бы в следующем году.

— Следующий год — пожалуйста.

Галина Викторовна не вмешивалась. Андрей ждал, что она предложит средний срок, но нотариус смотрела то на одного, то на другую, как человек, который не собирается торговаться вместо них.

— Три года, — сказал Андрей. — Потом пересмотр.

Олег повернулся к нему.

— Почему три?

— Потому что один сезон ничего не меняет. Мы только привыкнем к правилам, и уже придётся обсуждать заново.

— А почему не два?

— Два тоже можно. Я предложил.

Татьяна достала ручку.

— Запишем варианты: один, два, три и до конца жизни. Не будем выбирать здесь.

— Хорошо, — сказала Галина Викторовна. — Добавьте ещё прекращение по общему согласию и досрочное прекращение при существенном нарушении. Только слово «существенное» потом придётся раскрыть примерами. Один поздний приезд не должен лишать человека всего права. А систематический ущерб, неуплата согласованных расходов или использование участка вопреки условиям могут иметь другие последствия.

Олег оживился.

— Если она приведёт жить сына с семьёй?

— Я не приведу Илью жить без разговора.

— Но право будет у тебя или у всей семьи?

Татьяна замолчала. До этого она говорила «мы» про себя и Игоря, иногда включала сына. На дачу Илья приезжал два-три раза за лето, чаще с ребёнком. Если назвать право семейным, круг людей размывался. Если личным — Игорь превращался в гостя после двадцати лет работы.

— Мне и Игорю, — сказала она. — И возможность приглашать детей как гостей. Без постоянного проживания.

— А ночёвка? — спросил Олег.

— По согласованию, если дом занят.

— Чьё согласование?

— Расписания. Всех, кого затронет.

Андрей записал. Формулировка уже звучала знакомо. Они постепенно находили один язык: не всех вообще, а тех, чьё место или время менялось.

— Теперь вложения, — сказал Олег. — У меня пятнадцать лет чеков. Если доли равные, Андрей должен половину?

Нотариус попросила показать тетрадь. Олег открыл её на первой странице, затем быстро перелистал к новым записям, где чеки были подклеены прозрачной лентой.

— У вас есть расходы разного рода, — сказала она. — Налоги, обычное содержание, срочный ремонт, улучшения. Кроме чеков важно согласие второго собственника, необходимость работ и то, сохранился ли результат. Нельзя автоматически сложить всё за пятнадцать лет и предъявить половину. Но нельзя и сделать вид, что один собственник годами содержал общее имущество бесплатно, если второй это знал и принимал результат.

— Я не отказываюсь платить, — сказал Андрей.

— Вы готовы признать любую сумму из тетради?

— Нет.

— Тогда вам нужен разбор по видам расходов и, возможно, оценка сохранившихся улучшений. Не семейное голосование возле сарая, а специалист, который отделит сегодняшнюю стоимость результата от цены старых материалов.

Олег нахмурился.

— Я крышу перекрыл за сто двадцать тысяч. Сейчас это стоило бы двести.

— А сама крыша стала старше на восемь лет, — сказала Галина Викторовна. — Поэтому простая цена нового ремонта не отвечает на вопрос. Оценщик посмотрит состояние и документы. Потом вы решите, как учесть результат: денежной компенсацией, расходами в будущем или условиями пользования. Но осторожно с последним вариантом. Если вы дадите Олегу Павловичу весь сарай только потому, что он ремонтировал крышу, через несколько лет никто не будет понимать, компенсация уже состоялась или продолжается бесконечно.

Татьяна подвинула распечатку к себе.

— А мой труд тоже оценивать?

Олег посмотрел на неё, но ничего не сказал.

— Если вы хотите денежное требование и есть основания — это один разговор, — ответила нотариус. — Если хотите, чтобы ваш вклад признали частью семейной истории и учитывали при договорённостях, не превращая уход за родственницей в счёт, — другой. Вы должны решить сами. Закон не запрещает людям учитывать нравственные обязательства, но документ должен ясно показывать, что именно они добровольно предоставляют сейчас.

— Я не хочу денег за тётю Лену, — сказала Татьяна. — И грядку в оплату не хочу. Если напишем так, получится, что я её обслужила.

— Тогда не связывайте одно с другим.

Андрей почувствовал облегчение. Оно было постыдным: если помощь Татьяны не оценивали деньгами, ему не приходилось считать собственные пропущенные дни возле матери. Но облегчение всё равно пришло.

— А можно в соглашении написать, что мы признаём сложившийся семейный уклад? — спросил он.

— Можно описать предысторию, если она помогает понять цель соглашения. Только не заменяйте ею условия. Фраза «с учётом многолетнего уклада» красива, но из неё непонятно, можно ли приехать во вторую субботу июня и где поставить два ящика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.